

Слепой. Повелитель бурь

Автор:

Андрей Воронин

Слепой. Повелитель бурь

Андрей Николаевич Воронин

Слепой

Знакомый читателям по предыдущим книгам этой серии Глеб Сиверов выполняет всё более сложные и опасные секретные задания ФСБ.

Расследуя причины возникновения стихийного бедствия на Черноморском побережье, Слепой приходит к неожиданному, абсолютно непредсказуемому выводу.

Андрей Воронин

Слепой. Повелитель бурь

© Подготовка и оформление. «Харвест», 2015

Глава 1

К пяти утра воздух стал сухим и теплым, как в хорошо натопленной комнате, а через пару часов тепло превратилось в изнуряющий зной, от которого не было спасения даже в тени. Воздух напоминал жидкое стекло, разогретое до температуры плавления, он слегка подрагивал, струился, лениво тек снизу

вверх, заставляя заметно колебаться очертания предметов. Лес застыл в мертвенной неподвижности, вплавленный в это струящееся раскаленное марево, больше напоминая брошенный запылившийся макет или студийную декорацию. Не было ни шелеста листвы, ни шепота ветра в раскидистых кронах старых сосен, ни птичьего гомона – ни звука, ни шевеления, как будто лес не желал растрачивать по мелочам остатки сил, необходимые ему для того, чтобы противостоять убийственной жаре. Краски казались тусклыми, выцветшими, и даже привычные запахи хвои, разогретой сосновой смолы, мха и грибной прели вовсе отсутствовали. Лес пах горячей пылью, и при одном взгляде на него начинала мучить жажда. Под ногами при каждом шаге трещало, шуршало и похрустывало – трещал мелкий пересохший хворост, шуршала жесткая, будто вырезанная из пыльной бумаги, трава, похрустывал полумертвый от жары мох. Кое-где – редко, очень редко – из него выглядывали сморщенные, заживо мумифицированные шляпки каких-то полоумных сыроежек, чудом вылезших из земли себе на погибель.

В мертвом горячем воздухе разлилось какое-то недоброе напряжение, как будто ожидание и жажда были некими физическими величинами – осязаемыми, весомыми и способными постепенно накапливаться, как статическое электричество. Лес ждал воды – той самой воды, которая где-то далеко топила прибрежные поселки и мутными потоками низвергалась с горных склонов, сметая все на своем пути. Воды не предвиделось, зато огонь прятался где-то рядышком, поджидая удобный момент, чтобы вырваться на свободу и пуститься в бешеную пляску.

Грабарь понимал это как никто, потому что наблюдал эту печальную картину ежедневно. Лес был его рабочим местом, за сохранность коего Грабарь нес всю полноту ответственности – и по долгу службы, и по убеждению. Не то чтобы он был ярым защитником живой природы наподобие парней и девушек из «Гринпис», которые осаждают химические заводы, ядерные электростанции и берут на бордаж нефтеналивные танкеры. Ничего подобного! Андрей Грабарь ушел в лес не для того, чтобы оказаться поближе к деревьям, а для того, чтобы пореже встречаться с людьми. Люди неизменно ставили Грабаря в тупик с тех пор, как он вернулся с войны. Он их совершенно не понимал, а они, похоже, не понимали его, будто вернулся он не с Кавказа, а с другой планеты, и не вернулся даже, а так, прилетел в летающем блюде с неизвестными целями. Он промучился в городе полтора года, а потом плюнул на все и ушел в лес – надел форменную фуражку с дубовыми листьями и поселился на старом кордоне.

Лес принял его больную душу, и здесь бывший сержант Грабарь обрел относительный покой. С начальством он не конфликтовал: не настолько оно, начальство, сошло с ума, чтобы ссориться с энергичным, исполнительным и непьющим лесником, который – вот чудеса-то! – работал не за страх и даже не за деньги, а вот именно за совесть. Обидишь его чем-нибудь, уйдет он – где потом другого такого найдешь? Что же до порубщиков, браконьеров и прочих нарушителей, то с ними разговор у Грабаря был короткий и жесткий. Под зеленой форменной рубашкой он носил линялый тельник в голубую полоску, а на плече – тяжелую тульскую двустволку, из которой, как было доподлинно известно всем жителям окрестных деревень, мог подстрелить комара на лету. Реакция у Грабаря была отменная, рука тяжелая, и на компромиссы он, как правило, не шел: денег ему хватало, а высказанные в сердцах угрозы местных алкашей – подстеречь, отполировать мослы, подстрелить, спалить и т. п. – вызывали у него только презрительную усмешку. Семьи у Грабаря не было и, похоже, не предвиделось, а за себя лично он не боялся, благо после близкого знакомства с орлами Басаева и Хаттаба здешние вечно пьяные ханурики выглядели безобидными.

В деревне его, мягко говоря, недолюбливали, но Грабарь по этому поводу не переживал. Лесник, егерь, участковый и вообще любой представитель власти, как ни крути, навсегда останется для людей опасным чужаком, притеснителем. Сколько бы он ни юлил, сколько бы ни прогибался, пытаясь сойти за своего, это у него все равно не получится: не тот у нашего народа менталитет. Он, народ, выпьет с тобой и поцелуется, а когда ты отвернешься, с наслаждением харкнет тебе на спину и за глаза обзовет дураком, а то и похлеще. Так стоит ли, в таком случае, прогибаться? Делай свое дело, охраняй лес и будь уверен: уж кто-кто, а деревья и кусты тебя не предадут.

Грабарь неторопливо двигался сухим сосновым бором, привычно придерживая на плече ремень висевшей дулом вниз двустволки и отгоняя веточкой назойливую мошкарку, которая так и липла к разгоряченному, потному лицу. Потертый кожаный планшет дружески похлопывал его по левой ягодице, а по ребрам, противно щекоча кожу, медленно сползали струйки горячего пота. Под ногами тихо похрустывал пересохший мох, горячий воздух был густым, как кисель. Лес был сухим, как порох – настолько сухим, что Грабарю все время мерещился запах гари. На самом деле никакого запаха, конечно же, не было, и дыма не было тоже, но Грабарь то и дело останавливался и старательно принюхивался. Он понимал, что фантомный запах лесного пожара – шутка подсознания. В конце концов, если твердо уверовать в то, что в твоём доме поселилось привидение, и все время ждать встречи с ним, рано или поздно ты

его обязательно увидишь. То же и с пожаром: Грабарь знал, что лес может загореться в любую минуту, днем и ночью думал, как этого избежать, засыпал с этой мыслью и с нею же вставал, так что не было ничего удивительного в том, что ему повсюду мерещился запах дыма.

Дорога шла под уклон, ежедневный обход участка близился к концу. Оставалось осмотреть только обширную, густо заросшую молодым осинником ложбину, образовавшуюся на месте давно пересохшего торфяного болота, и можно было с чистой совестью поворачивать домой. Грабарь не любил это место: в непролазном чахлом кустарнике не было ни красоты, ни пользы, а то, что лежало под корнями, в данный момент представляло собой реальную угрозу – сухой торфяник мог вспыхнуть от любой случайной искры, превратив остаток лета в сплошной кошмар.

Пологий склон кончился, земля стала ровной. Под сапогами Грабаря зашуршал полумертвый от недостатка влаги черничник с жесткими и темными, будто лакированными, листьями и голубоватыми шариками сморщенных ягод. Не останавливаясь, Грабарь отстегнул от пояса солдатскую фляжку в линялом полотняном чехле, открутил колпачок и поднес к губам горячее алюминиевое горлышко. Вода во фляжке была теплая и отдавала металлом. Грабарь без всякого удовольствия прополоскал ею рот, запрокинул голову, немного побулькал, смачивая пересохшее горло, выплюнул воду и завинтил фляжку.

Впереди сквозь частокол сосновых стволов уже замаячило белесое от жары небо. Грабарь снова прицепил фляжку к поясу, поправил на плече брезентовый ремень ружья (рубашка под ремнем была горячая и влажная от пота) и, хрустя мелкими сучками, двинулся вперед.

Он ловко перепрыгнул вырытую в позапрошлом году противопожарную канаву и выбрался на грунтовую дорогу, на другой стороне которой сплошной стеной стоял подлесок, выросший на месте пересохшего болота. Темная листва безжизненно висела в неподвижном воздухе, над кустами дрожало мутноватое знойное марево. В блекло-голубом небе слепящим белым пятном горело свирепое июльское солнце, белый песок дороги отбрасывал его лучи прямо в лицо. От дороги несло жаром, как от раскаленной печки, в воздухе, казалось, почти не осталось кислорода. Кое-где из подлеска торчали верхушки сосен. Грабарь увидел, как с одной из них сорвалась крупная ворона и, лениво взмахивая широкими крыльями, полетела куда-то в сторону Москвы. Издалека донеслось ее недовольное хриплое «карр!», и снова стало тихо.

Грабарь подозрительно повел носом и тут же чихнул. Он не ошибся: в воздухе висела тончайшая, невидимая глазу дымка поднятой с дороги пыли. Он опустил глаза и увидел следы недавно проехавшего здесь легкового автомобиля. Да, машина прошла тут буквально несколько минут назад, даже пыль еще не улеглась... Кто бы это мог быть?

Вопрос был далеко не праздный. Грибникам и ягодникам совершенно нечего делать в пересохшем, изнемогающем от свирепого зноя лесу. Да и вообще, посторонним в такую погоду в лес лучше не соваться, особенно на машине и особенно если они – горожане. Горожанам почему-то кажется, что расставленные вдоль всех дорог щиты с призывом беречь лес от пожара несут на себе столько же смысловой нагрузки, сколько канувшие в лету транспаранты «Слава КПСС» или «Тебе, родная партия, наш вдохновенный труд!». И если сказано, что от посещений «зеленого друга» в данный момент настоятельно рекомендуется воздержаться, то непременно найдется кто-то, кому вот именно сейчас необходимо отправиться в лес и устроить там пикничок с костерком до неба, с шашлыками и с таким количеством водки, что им можно спить целую деревню. И, что характерно, погода этим «любителям природы» совершенно по барабану: будут потеть, задыхаться, зарабатывать тепловые удары, но костер все равно разведут, потому что не мыслят себе «культурного» отдыха без огня, водки и пьяных танцулек под завывающий магнитофон...

Грабарь тоскливо выругался: меньше всего ему сейчас хотелось играть в следопыта, выясняя, куда поехала какая-то там машина и чем в данный момент заняты ее пассажиры. До кордона было шесть километров лесом – тоже, между прочим, конец немаленький, особенно с учетом погоды. Там, на кордоне, имелся прохладный бревенчатый дом с мягкой постелью, а главное – колодец с журавлем, почти доверху наполненный прозрачной ключевой водой, такой студеной, что ломило зубы и немел лоб. В конце концов, отслеживание автомобилей не входило в его прямые обязанности; он, Грабарь, мог просто не заметить этой колеи, а заметив, не придать никакого значения: мало ли, кто тут мог проехать!

Он еще раз матюкнулся сквозь зубы, поправил на вспотевшей голове форменную фуражку и двинулся по дороге, держа путь прочь от шоссе, которое пролегало километрах в восьми отсюда. Он рассуждал просто: если машина, следы которой ясно виднелись на песке, ехала в сторону шоссе, то есть из леса, то, как говорится, скатертью ей дорога. А вот если она, наоборот, ехала со стороны шоссе в глубь леса, то за ней не мешало бы присмотреть. Понятное дело, он,

Грабарь, – не дорожный инспектор, и до каких-то там машин ему дела нет. Но если что, тушить лесной пожар и подсчитывать убытки придется не дорожному инспектору, а ему, Андрею Грабарю... Да, ему жарко, лень, ему, и как и всем, не нужны лишние проблемы, но лес... Лес не виноват, что Грабарю жарко и что некоторые люди, отправляясь на природу, ведут себя как безответственные дебилы.

Метрах в пятидесяти от того места, где он впервые увидел следы, дорога ныряла в глубокую яму, на дне которой виднелась покрытая затейливым узором корка высохшей грязи. На том краю ямы, что был ближе к Грабарю, остался след торможения – здесь водитель погасил скорость, не желая гробить подвеску. Грабарь вздохнул: увы, его догадка оказалась верна, машина ехала со стороны шоссе, оставленная заблокированными колесами борозда в песке указывала на это так же ясно, как старательно нарисованная на дороге стрелка. Что ж, если дерьмо может упасть тебе на голову, то оно непременно так и сделает, это закон природы...

Грабарь решил, что пройдет по следу машины до границы своего участка, и ни метром дальше. Это был разумный компромисс между усталостью и чувством долга. Вернувшись на кордон, можно будет связаться с соседом, сообщить ему о машине и попросить присмотреть за городскими, чтобы не натворили бед. Правда, сосед в такую жару вряд ли захочет оторвать свою задницу от скамейки, но это, черт побери, уже его проблемы.

Он обогнул яму слева, под ногами опять тихонько захрустел сухой мох. «Чертова сушь», – подумал Грабарь и вдруг увидел окурок.

Истлевший почти до самого фильтра бычок валялся на желтоватом песке в каком-нибудь сантиметре от пучка сухой, как порох, мертвой травы. Он еще дымился; на нем вырос длинный кривой столбик пепла – тот, кто выбросил из окна машины дымящуюся сигарету, не выкурил ее и до половины.

На секунду Грабарь прикрыл глаза, чтобы побороть вспышку неконтролируемой ярости. «Твари, – пронеслось в мозгу. – Отморозки, скоты... Закурил, сделал пару затяжек и вышвырнул сигарету в открытое окошко, как будто там, за окошком, – город с его сплошным асфальтом... Идиоты безмозглые! Все их рассуждения сводятся к одному: авось, пронесет. А если не пронесет и лес все-таки загорится, мне-то что до этого? К тому времени, когда пожар заметят, я буду уже далеко, а леса на мой век хватит.

С этого момента он перестал обращать внимание на жару и усталость. Грабарь шел по следу; возможно, со стороны все это выглядело примитивно и глупо, но отступить и поворачивать обратно он не собирался. В мире, где грань, отделяющая друзей от врагов, давно потеряла четкость очертаний, размылась и исчезла, было просто необходимо поддерживать хотя бы видимость порядка. Он, Андрей Грабарь, нуждался в этом, к этому привык и не хотел меняться. Там, в Чечне, отличить своих от чужих было просто; здесь, в лесу, это было не сложнее. Деревья – это были свои, а те, кто разбрасывал в сухом, как порошок, лесу тлеющие окурки, находились по другую сторону баррикады. Задача Грабаря была проста: настигнуть, взять с поличным, повязать и доставить к участковому. А дальше... Что ж, дальше пусть решают те, кому доверено решать. Будь на то воля Грабаря, он убивал бы сволочей на месте, без суда и следствия. Почему? Да по кочану, блин! Деревья – они хоть кислород вырабатывают. А что, скажите на милость, вырабатывает человек, кроме дерьма и мусора? Пока он, человек, не приносит прямого вреда, его еще можно терпеть, но, когда он переступает грань дозволенного, вести с ним душеспасительные беседы бесполезно.

Машину он увидел сразу же за поворотом дороги. Это была пятидверная «нива» баклажанного цвета, казавшаяся непропорционально длинной, почти уродливой по сравнению со своим укороченным прототипом. Темно-лиловые крылья были сильно запылены, на них виднелся причудливый узор, оставленный царапавшими борта ветвями. На пыльном капоте сидела лимонно-желтая бабочка, еще одна беспорядочно трепыхалась в пустом салоне, ежесекундно ударяясь о ветровое стекло – видимо, бедолага залетела в машину через приоткрытое для вентиляции окно. Грабарь скользящим охотничьим шагом приблизился к машине и подергал переднюю дверцу. Как и следовало ожидать, та оказалась запертой. Номера на машине были московские; из щели приоткрытого окна тянуло жаром, как из разогретой духовки, и пахло ванилью пополам с табачным дымом. Весь передок машины – бампер, номерной знак, фары, решетка радиатора и массивная защитная дуга с укрепленными на ней дополнительными противотуманными прожекторами – был густо облеплен присохшей мошкаррой.

Грабарь отступил на пару шагов, расстегнул клапан планшета, вынул блокнот, ручку и старательно списал номер машины. Лучше всего было бы, конечно, снять номерные знаки, но они были намертво прикручены саморезами, а отвертки Грабарь с собой не прихватил. Да и как ему могло прийти в голову, что в лесу не обойтись без отвертки?

Он огляделся. Поблизости никого не было. На песке отпечатались следы обутых в кроссовки ног, и уходили эти следы вовсе не в лес, что было бы логично, а, напротив, в непролазную чащобу разросшегося на торфянике подлеска, кишевшего мошкаррой и свирепыми кровожадными слепнями. Грабарь даже слегка растерялся: какого дьявола? По нужде, что ли, приспичило? Так ведь вокруг – ни единой живой души, можешь оправляться хоть посреди дороги. Зачем же в кусты-то лезть, да еще в такие, сквозь которые не больно-то и продерешься? Да еще, мать твою, почти наверняка с сигаретой. У наших людей одно без другого не бывает: если уж сел орлом, так тут же непременно и сигарета – чтобы, значит, сделать свои дела обстоятельно и со вкусом. Да и комары, опять же, не так пристают...

Грабарь озадаченно почесал в затылке. Лезть в кусты ему не хотелось, но образ удобно расположившегося на корточках со спущенными штанами и дымящейся в зубах сигаретой наглого городского фраера неотступно маячил перед его внутренним взором. О том, куда полетит тлеющий окурок, гадать не приходилось: конечно же, в кусты! В густые, непролазные, перевитые прошлогодней травой, по колено засыпанные мертвой листвой, сухие, как порошок, кусты, ждущие случайной искорки, чтобы вспыхнуть и запылать с веселым треском...

Тут ему вдруг вспомнилась ворона, которая без всякой видимой причины сорвалась с верхушки старой сосны. Что ее спугнуло? Вернее, кто? Конечно, невозможно угадать, что взбредет в ее птичьи мозги в тот или иной момент. Надоело торчать на ветке, вот она и улетела. Может быть, так. А может быть, и как-нибудь по-другому...

Пятясь, Грабарь отступил на несколько шагов, задрал голову и отыскал глазами торчавшую над морем чахлого осинника пополам с березняком верхушку сосны. Как он и предполагал, дерево теперь было гораздо ближе к нему, чем в тот момент, когда он увидел ворону. От него до баклажанной «нивы» было метров сто – напрямик, через кусты, – и замеченные Грабарем следы кроссовок уходили примерно в его направлении. Это заставило Грабаря задуматься: вряд ли кто-то взял бы себе за труд, ломясь через путаницу ветвей, продираться в самую гущу зарослей только для того, чтобы справить там нужду. Ну а для чего же тогда? Не грибы же он там собирает, в самом-то деле... Даже самому распоследнему городскому идиоту, уверенному, что картошка растет на деревьях, должно быть ясно, что в такую чертову засуху ни о каких грибах не может быть и речи...

Грабарь снова поднял голову, отыскал взглядом верхушку сосны и старательно зафиксировал в мозгу направление, ориентируясь по солнцу. Компас у него был – как же без компаса? – но возиться с определением азимута для того, чтобы пройти несчастную сотню метров, казалось смешным и глупым. Грабарь решительно передвинул за спину свою полевую сумку, снял с плеча ружье – не потому, что собрался в кого-то стрелять, а просто чтобы не цеплялось, – и, заранее пригибаясь, нырнул в кусты.

В густых осиново-березовых джунглях было особенно душно. Воздух, который и на открытом пространстве дороги казался густым и неподвижным, раскаленной массой струился между чахлых стволов. Пахло баней – странной баней, в которой имелось множество березовых веников и сколько угодно сухого горячего пара, но не было ни капли воды. К знойному аромату березовых веток примешивался запах пыли – не измельченной земли, но гнилого, перепревшего и высохшего органического праха, бывшего некогда листвой, травой и ветвями. Жесткие, как проволока, ветки с громким шорохом цеплялись за одежду и все время норовили хлестнуть по лицу. Землю сплошным ковром устилал сухой хворост, который неприятно напоминал кости. Некоторые из «костей» все еще носили на себе следы огня, который бушевал здесь лет десять назад. Грабарь продирался вперед, борясь со странным чувством, будто шагает по бранным останкам миллионов живых существ, по какому-то фантастическому могильнику, куда десятилетиями сбрасывали трупы. Это жутковатое сравнение навело его на мысль о том, чем мог заниматься впереди водитель баклажанной «нивы». Непролазная чаща перепутанного мелколесья, раскинувшаяся на добрых полтора гектара, была идеальным местом для того, кто хотел избавиться от мертвого тела. Даже он, Грабарь, знаток и, можно сказать, хозяин здешних мест, забирался в эту чащобу всего пару раз, и оба раза горько об этом жалел: посещения торфяника неизменно вызывали у него острое чувство собственного бессилия. В своем нынешнем виде эти джунгли представляли собой тлеющий фитиль, вставленный в пороховую бочку; навести здесь порядок было невозможно, потому как дело упиралось в недостаток финансирования. Грибникам здесь ничего не светило даже в хорошую погоду, ягоды тоже не могли пробиться на свет сквозь переплетение мертвого горелого хвороста, так что нога человека ступала здесь предельно редко – можно сказать, совсем не ступала. Сбрось сюда труп, и он проваляется тут до Страшного Суда. А если еще не поленишься и выкопать яму, то тело наверняка не обнаружат – никто, никогда и ни за что...

Осененный этой мыслью, Грабарь даже остановился, пытаясь, наконец, решить, зачем ему все это нужно. Нет, в самом деле, ему что – больше всех надо? Он

немного поразмыслил на эту тему, точно зная при этом, что, чем больше уважительных причин, оправдывающих его нежелание идти дальше, придет ему в голову, тем вернее он, Андрей Грабарь, двинется по следу, уводящему в чащу осинника. Пожалуй, даже несколько гипертрофированное чувство ответственности и долга было одним из врожденных недостатков, которые мешали Грабарю нормально жить среди людей. Ну не получалось у него жить по принципу «моя хата с краю»!

Грабарь переломил вертикалку и на всякий случай проверил стволы. Медные цоколи патронов весело поблескивали на солнце, вселяя в душу уверенность. Пластиковые гильзы были заряжены картечью – охотой на мелкую дичь Грабарь не увлекался, а что касается самозащиты, то тут он всегда предпочитал психологическому воздействию убийную силу. В окрестных деревнях об этом знала каждая собака, и застуканные с поличным нарушители никогда не рисковали вступать с Грабарем в пререкания, справедливо полагая, что лучше не испытывать судьбу. Кто его знает, черта бешеного, что ему взбредет в его контуженную башку? Еще, чего доброго, и вправду пальнет... Пускай не в голову и даже не в брюхо, а, к примеру, пониже спины – что толку? В стволах-то у него картечь! Снесет ползадницы, а она, задница, у человека одна.

Конечно, никаких задниц Грабарь никому не отстреливал, потому что до сих пор во всей округе не нашлось героя, который рискнул бы это проверить. Но с заряженной картечью вертикалкой Грабарь все равно не расставался: лес – он лес и есть. Случись что, постового мента не дозовешься, потому что нет его здесь, этого самого постового...

Стволы стали на место с негромким металлическим щелчком. Грабарь поправил фуражку и двинулся вперед, думая о том, что он, наверное, на самом деле «того». Ну с чего он взял, что здесь имеет место какой-то мрачный криминал? В конце концов, владелец баклажанной «нивы» мог просто заготавливать здесь веники для бани, а так глубоко в кусты забрался в поисках веток, которые, по его мнению, были получше, чем те, что растут с краю. Грабарю показался любопытным тот факт, что это, самое простое и естественное, объяснение пришло ему в голову последним.

«Война не отпускает, – решил он. – Уж сколько лет прошло, а до сих пор жмурики мерещатся. С таким мировоззрением вам, товарищ сержант, в лесу самое место».

Перед ним возник высокий, чуть ли не по пояс, вал, состоявший из кое-как набросанных толстых сосновых стволов – трухлявых, гнилых, местами обугленных, уже наполовину превратившихся в землю, густо заросших крапивой и малинником. Грабарь знал, что обходить этот вал бесполезно – он тянулся в обе стороны как минимум на полкилометра. Рискуя переломать себе ноги в опасном переплетении скользкого гнилья, он преодолел преграду.

Здесь мелколесье было пореже, и древесный мусор под ногами почти исчез. Грабарь узнал это место: пару лет назад тут пытались-таки навести порядок. Восемь человек в поте лица вкалывали здесь целую неделю, собирая гнилые ветки в кучи, чтобы потом вывезти их на какую-нибудь пустошь и сжечь от греха подальше. Но потом, как водится, возникли перебои с горючим, машины не пришли, и начальство махнуло на все рукой: гнил этот мусор десять лет, и пускай себе гниет дальше.

Грабарь распрямился, сориентировался по солнцу и, стараясь не шуметь, зашагал в избранном направлении. Он сомневался, что водитель «нивы» дожидается его, сидя у сосны, но никаких следов на земле обнаружить не удалось, так что волей-неволей приходилось придерживаться намеченного маршрута. Грабарь сознавал, что запросто может разминуться с человеком, которого искал, но это его не беспокоило: в конце концов, никто не ставил перед ним задачи непременно изловить водителя «нивы». Грабарю нужно было убедиться в том, что лесу ничто не угрожает, а что до машины и ее водителя, то в случае необходимости их можно будет разыскать по номеру.

Вскоре впереди показалась широкая прогалина, посреди которой стояла та самая сосна. Теперь Грабарь окончательно вспомнил это место: именно сюда в позапрошлом году он и нанятые лесхозом рабочие стаскивали сухой валежник. Под ногами у него теперь не было ничего, кроме сухих кочек, что давало ему возможность подобраться к прогалине, не производя шума. Не то чтобы он крался, но и заранее предупредить водителя «нивы» о своем приближении ему не хотелось.

Пройдя еще метров десять, он вдруг остановился и принюхался. Так и есть: в горячем неподвижном воздухе чувствовался запах дыма – на сей раз вполне реальный, горький и едкий запах беды. Грабарь торопливо двинулся вперед и, дойдя до прогалины, осторожно раздвинул осиновые ветки.

Человек, которого он искал, сидел на корточках спиной к нему перед большой кучей сухого валежника и, старательно размахивая каким-то журналом, раздувал лениво лизавший мертвые ветки огонь.

* * *

Иван был доволен жизнью, хотя и понимал, что радоваться, по большому счету, нечему. Нет, в самом деле, смешно: взрослый, самостоятельный, неглупый мужик, а радуется, как пацан, которому добрый дядя дал порулить. А впрочем... Впрочем, насчет своей самостоятельности Иван в последнее время начал сильно сомневаться, да и насчет ума тоже. Уж очень упорно ему в последнее время не везло – так упорно, что он поневоле начал задумываться: полно, да в невезении ли дело? Если здоровый, крепкий мужик к тридцати пяти годам ухитрился растерять то небольшое, что у него было, то ему, наверное, есть о чем задуматься. Самостоятельный человек не пошел бы на поводу у приятеля, который втянул его в поганую историю и был таков. Умный нашел бы выход из положения. Да и не попал бы он в такое положение, умный-то... Что там еще осталось? Взрослый, да? Эх!.. Взрослый человек – это тот, кто способен отвечать за свои поступки, тот, кто может постоять за себя. Некоторые и в двенадцать лет достаточно взрослые, чтобы не нуждаться ни в чьей помощи и покровительстве, а некоторые – вот, как Иван Зубов, к примеру, – так и помирают от старости, не успев войти в настоящий разум.

Подобное самобичевание, не свойственное здоровой натуре Зубова, было вызвано вполне тривиальными причинами. Пару лет назад он ударился в мелкий бизнес – то есть, попросту говоря, заделался челноком. Поначалу дела у него шли прилично – не хуже, во всяком случае, чем у иных прочих, – но потом черт его дернул связаться с дружкой. Дружок убедил его, что бизнес надо расширять, заставил взять в банке приличный кредит под залог недвижимости – Ивановой квартиры, – а потом слинял вместе с денежками, да так основательно, что не нашелся по сей день.

Квартиры и машины Иван, ясное дело, лишился. Слава богу, что хоть гараж уцелел... Там, в гараже, Иван и поселился, переоборудовав подвал под временное жилье. Председатель гаражного кооператива вошел в его бедственное положение и оформил Ивана сторожем. Ну разве это работа для молодого, здорового мужика? Горе одно... Вот с горя Иван и запил, да так, что иногда самому страшно делалось. Словом, с этого момента любой дурак мог

расписать дальнейшую биографию Ивана Зубова, как по нотам, до самого бесславного конца. Он и сам мог, да только не хотелось ему этим заниматься, и думать ни о чем не хотелось. И пропал бы он, наверняка, сдох бы, как собака, под каким-нибудь забором, если бы не Удодыч, добрая душа.

Вертя баранку, Иван бросил быстрый взгляд на сидевшего рядом Удодыча. Удодыч был, как всегда, гладко выбрит, краснолиц, спокоен и благоухал хорошим одеколоном. Одет он был, как всегда, в армейский офицерский камуфляж. Закатанные почти до локтя рукава куртки открывали мощные волосатые руки, заканчивавшиеся мясистыми короткопалыми пятернями. На безымянном пальце правой руки поблескивало массивное обручальное кольцо, на запястье левой неброско сверкали потертым отечественные часы на потемневшем от пота кожаном ремешке. Плотная коренастая фигура Удодыча заполняла сиденье целиком, излучая спокойствие и уверенность в том, что все будет тип-топ.

– Слышь, Удодыч, – нарушил молчание Иван, – а почему у тебя погоняло такое странное – Удодыч?

Удодыч повернул к нему широкое красное лицо с мутноватыми, болотного цвета глазами и едва заметно усмехнулся уголком рта.

– П-п-п-погоняло, – с неопределенной интонацией повторил он, будто пробуя на вкус незнакомое кушанье. – Ну что ж, п-пожалуй, что и п-погоняло. Тут, брат, т-такое дело... В моем возрасте людей обычно по отчеству кличут – ну, там, Иваныч, П-петрович... А у меня отчество, понимаешь, такое... некруглое, с-словом. Н-немвродович я, п-понял? Такое не каждый трезвый в-выговорит, а уж после вт-торого стакана и подавно. Как только меня, понимаешь, не об-обзывали! Один умник сообразил: з-здорово, г-говорит, Уродыч, как дела? Ну я ему показал Уродыча... Сам месяц в уродах ходил, н-недотыкомка... В-вот... Ну, и к-кто-то Уродыча в Удодыча п-переделал – п-потом, п-позже. Т-так и п-прилипло.

Иван покивал, избегая смотреть на Удодыча. Хороший он был мужик, этот Удодыч, со всех сторон хороший, но вот это его заикание... Разговаривать с ним было одно наказание, особенно без привычки, и обычно Иван предпочитал Удодычу вопросов не задавать, да еще таких, как этот – нескромных и, в общем-то, совершенно ненужных. Впрочем, может, и хорошо, что не постеснялся, спросил. Во-первых, узнал кое-что про Удодыча, а во-вторых, то, как Удодыч ответил, ясно показало, что к Ивану он относится с уважением, по-товарищески,

носа перед ним не дерет и понимает, что в жизни с людьми всякое случается.

Удодыч, если разобраться, был Ивану никем – так, здрасьте – до свидания, как делишки, да не хотите ли по стопарику за все хорошее?.. Сосед по гаражу, в общем. Работал он, кажется, водителем какой-то спецмашины, но какой именно и где, Иван не спрашивал, в общем, как-то к слову не пришлось. Да и какая разница, кто где работает, если человек хороший? Это у них, у американцев всяких, главное – работа, бизнес. А у нас, у русских, главное – душа. А чем человек себе на жизнь зарабатывает, не так уж и важно. Да пусть хоть дерьмо лопатой ковыряет, лишь бы сам дерьмом не был!

Словом, когда Иван переселился к себе в гараж и начал там, что называется, фестивалить без просыпу, Удодыч некоторое время молчал, а потом, улучив момент, выставил пару пивка, воблой угостил и как бы между делом поинтересовался: что, мол, с тобой, парень? И как-то так он это спросил – без подковырки, душевно, с искренним участием, – что Иван не удержался – выложил все, как на духу. Да и что скрывать, когда и так все видно? Шила в мешке не утаишь, как ты его, этот свой мешок, ни сворачивай, как ни комкай...

Удодыч тогда обещал что-нибудь придумать, и вот, поди ж ты – придумал! И двух недель не прошло, как он уже предложил Ивану заработок. Правда, пока разовый, но вполне приличный, и потом, как говорится, лиха беда начало. С такой анкетой, как сейчас у Ивана – без жилья, без прописки, с опухшей мордой – кто рискнет взять его на постоянную работу? Сначала надо себя проявить, доказать, что ты не рвань подзаборная, не алкаш конченный, а серьезный человек, трудяга. Тогда и разговор с тобой будет совсем другой. Удодыч, правильный мужик, примерно так Ивану и сказал: ты, сказал, Ваня, не обижайся, а только ручаться я за тебя сейчас не могу, не имею права. Допустим я даже рискну своим добрым именем, поручусь за тебя перед начальством. Пожалуйста, мне не жалко, я в тебя верю, знаю, что не подведешь. Так ведь начальство у меня, брат, непростое и на слово никому не верит...

Это Иван хорошо понимал, поскольку его собственный печальный опыт как раз к этому и сводился: верить на слово в наше время нельзя никому, ни одной собаке. Поэтому ни на Удодыча, ни на его недоверчивое начальство он обижаться не стал, однако, извинившись, потребовал аванса. И странное дело: Удодыч без возражений полез в карман, вынул оттуда портмоне, отслюнил сто баксов и торжественно вручил их Ивану, поставив единственное условие – перед работой не напиваться. Честно говоря, Ивану показалось, что денежки Удодыч ему отдал

свои, кровные. В связи с этим ему подумалось также, что сумма, о которой в действительности шла речь, была Удодычем сильно занижена; однако выбирать не приходилось, и Иван согласился, толком даже не зная, что, собственно, ему предстоит совершить. Эх!.. И ведь совсем, совсем недавно эти сто долларов, которым он теперь так радовался, были для Ивана Зубова сущей безделицей, пшиком – дневной выручкой, и притом не в самый удачный день. Да, жизнь...

Встречу ему Удодыч назначил почему-то не в гараже, что было бы логично и очень удобно, а у черта на рогах, возле станции метро «Сокол». Иван не стал спорить: во-первых, решал тут не он, а во-вторых, к этому времени Удодыч обрисовал ему предстоящую миссию, и просвещенный Иван вынужден был согласиться, что в таком деле лишней секретности не бывает. Дело и впрямь было тайное. Ивана прямо распирало от сознания собственной значимости и предвкушения неизбежного триумфа. Предвкушение это, чего греха таить, не было лишено определенного злорадства. Ну а как же иначе-то? Ему, маленькому, незаметному и никчемному человечешке предстояло собственноручно проверить, на самом ли деле так могущественно одно солидное министерство, как об этом говорят, или оно только пускает пыль в глаза президенту и даром проедает народные деньги. Роль ему досталась малюсенькая – не больше, чем у блохи, которая суетится в шерсти крупного сенбернара, – но от того, какотреагирует упомянутый сенбернар на едва ощутимый блошиный укус, зависела, по словам Удодыча, дальнейшая судьба упомянутого министерства.

В общем, из слов Удодыча можно было сделать вывод, что он, Удодыч, с утра до ночи вращается в высших правительственных кругах и облечен в этих кругах некоторым, понимаете ли, доверием. В принципе, Иван не видел в этом ничего невозможного. Как-то раз ему довелось посмотреть по телевизору (естественно, тогда, когда телевизор у него еще был) передачу, посвященную кремлевскому гаражу и водителям, которые там работают. Передача называлась «Кремль-9». Естественнo, лиц кремлевских водителей по телевизору не показывали, да и вообще, в тот момент передача показалась Ивану довольно скучной. Но теперь, после туманных и значительных намеков Удодыча, Иван вдруг подумал, что его сосед по гаражу запросто может оказаться одним из героев той передачи. А что? Почему бы и нет? Те ребята, которые возят президента, – обыкновенные живые люди, которые утром встают, завтракают и отправляются на работу. Они, как и все простые смертные, живут со сварливыми женами, воспитывают детей, которым на все плевать, и любят в свободный вечер посидеть перед телевизором с баночкой пивка. И у них, у этих засекреченных парней, тоже имеются соседи – и по лестничной площадке, и по даче и, что характерно, по

гаражу... Всегда так было, во все времена: хороший водитель для начальника значит больше, чем все его окружение. Водитель – это доверенное лицо, которому известны такие секреты хозяина, что даже подумать страшно. И вот, если бы, скажем, даже и сам президент захотел проверить, как работает некое министерство – проверить негласно, без официальной шумихи и утечки информации, на конкретном, отдельно взятом примере, – он, как стреляный воробей, искушенный в закулисных политических интригах, мог бы обратиться со своей проблемой к человеку проверенному и в то же время далекому от политики – то есть к своему персональному водителю.

Удодыч ничего подобного, естественно, не говорил: ну, еще бы – секретность! – но чувствовалось, что догадки Ивана близки к истине. Поэтому всякие конспиративные заморочки, сопутствовавшие предложенной работе, Иван воспринял как должное. В назначенный час он явился в условленное место, одетый, как было велено, по-походному, трезвый, как стеклышко, и полный решимости наилучшим образом выполнить поставленную перед ним задачу. Удодыч просил никому ничего не говорить об этом деле; мог бы и не просить – Иван и сам понимал, что языком болтать не следует. Да и не перед кем ему хвастаться своей важной и ответственной миссией. Стоя на краю тротуара в ожидании Удодыча, Иван чувствовал себя непривычно трезвым, чистым и... значительным. Впервые за много-много дней у него не только завелась в кармане живая копейка, но и появилось некое дело – серьезное, важное и даже секретное, о котором знали только трое: он сам, Удодыч и тот человек, который это дело им поручил. Высматривая в пестром потоке катившихся по Ленинградке машин белую «ладу» Удодыча, Иван совсем размялся и почти уверился в том, что таинственным шефом Удодыча был не кто иной, как сам президент.

«Клево, – думал Иван, затягиваясь сигаретой и косясь при этом на часы. – Был бомж, а стал личным порученцем президента. Специальным, понимаете ли, агентом заделался... Может, орден дадут? Это, конечно, вряд ли, да и на кой ляд он мне нужен, этот орден? Лучше бы квартиру дали – пускай однокомнатную, завалющую, но все-таки свою. Надоело в подвале жить, надоело из пластиковой бутылки умываться и пользоваться старым ведром вместо унитаза...»

Он высматривал белую «шестерку», но Удодыч приехал почему-то на новенькой, с иголки, пятидверной «ниве» баклажанного цвета, сплошь обвешанной серебристыми пластиковыми накладками, защитными дугами, дополнительными фарами и прочей дребеденью, делавшей ее похожей на настоящий джип. Иван решил, что это служебный автомобиль Удодыча, и, не удержавшись, спросил,

так ли это. Удодыч в ответ лишь пожал мощным плечом, и Иван смутился: действительно, если разобраться, это не его собачье дело. Удодыч, похоже, заметил возникшую неловкость и, видимо, в качестве компенсации предложил ему сесть за руль. И вот теперь Иван вел новехонькую «ниву» по лесной дороге, довольный собой и окружающим миром. Правда, когда Удодыч подробно растолковал ему, в чем, конкретно, заключается возложенная на них секретная миссия, радость несколько потускнела. Иван забеспокоился: проверка проверкой, но засуха держалась уже целый месяц, лес высох, как порошок, и в нем было страшно даже курить, а не то что разводить какие-то костры. Снова не удержавшись, он поделился Удодычем своими сомнениями, и тот ответил в присущей ему спокойной, немного снисходительной манере:

– Я что, п-по-твоему, д-дурак? Д-диверсант? Вредитель к-какой-нибудь? С-сказано т-тебе: проверка. За нами с-следят, все б-будет п-п-путем. Да я т-тебя не неволю. Х-хочешь н-на попятную – п-пожалуйста, вы-вылезай. П-подхвачу тебя на обратном п-пути. Аванс м-можешь оставить с-себе.

Пристыженный Иван молча помотал головой и заставил себя успокоиться. В самом деле, если операция спланирована наверху, то ему, Ивану Зубову, беспокоиться не о чем. Все наверняка учтено и предусмотрено, и приняты все меры к тому, чтобы ситуация оставалась под контролем. Чтобы, значит, максимально приближенные к боевой обстановке учения не превратились ненароком в настоящее стихийное бедствие...

Постепенно он взял себя в руки и проникся предназначенной в этом спектакле ролью. Он даже внес в сценарий небольшой штрих, призванный усилить правдоподобие: закулив сигарету и сделав несколько коротких затяжек, взял да и выкинул ее в открытое окно. Заметив этот маневр, Удодыч одобрительно кивнул: дескать, молодец, парень, так держать.

За поворотом он велел Ивану остановить машину. Они вышли и окунулись в густую неподвижную жару. Поднятая колесами пыль щекотала ноздри, от машины пахло горячим железом и бензином, по спине тек пот. Слева от дороги стоял сосновый лес, а справа сплошной стеной тянулись непролазные заросли лиственного молодняка. Удодыч молча кивнул в сторону этих зарослей: пошли. Иван тайком вздохнул: лезть в кусты не хотелось, но его спутник, наверное, был прав. Уж если проверять пожарников на вшивость, так по полной программе, без поддавков. И потом, сосна – как-никак, деловая древесина, ее ради какой-то там проверки губить жалко. А кусты, березняк этот, осинник бесполезный, даже

если и пропадет, так черт с ним, невелика потеря.

Продираться через кусты пришлось довольно долго, но в конце концов они выбрались на прогалину, посреди которой росла старая сосна. При их приближении с верхушки сосны сорвалась и, лениво размахивая крыльями, улетела куда-то в сторону Москвы ворона. На прощание она хрипло каркнула, и Иван сердито погрозил ей вслед кулаком.

– Я тебе каркну, – сказал он.

– К-кажется, здесь, – сказал Удодыч. – К-классное местечко. То, что надо.

Иван огляделся. Местечко действительно было классное – тихое, укромное и с большим запасом горючего материала. Огромная куча выбеленного временем и непогодой хвороста была свалена прямо посреди прогалины, будто кто-то заготовил ее нарочно.

– Д-давай, – сказал Удодыч, – приступай. А я отойду на минутку. Надо д-доложить.

Иван остался на прогалине один. Солнце беспощадно палило с выгоревшего, похожего на застиранную тряпку неба, вокруг было тихо, как в огромном пустом помещении. Некоторое время еще слышался производимый удалявшимся Удодычем хруст и треск, но потом и эти звуки исчезли, затерялись вдалеке. Ивану вдруг сделалось неуютно. Показалось, что Удодыч больше не вернется, что он бросил напарника на произвол судьбы. Доложить он пошел... Кому доложить? О чем доложить? Ведь не сделано же еще ни черта, а он – доложить...

Иван вдруг представил, как Удодыч выбирается из кустов, садится за руль и спокойно уезжает, оставив его здесь наедине с пустым раскаленным лесом и собственными сомнениями. Да и только ли с сомнениями? А вдруг здесь полно тайных соглядатаев, готовых наброситься на Ивана, заломить руки и защелкнуть наручники, как только он чиркнет спичкой?

Эту тему они с Удодычем тоже успели вкратце обсудить. Удодыч ясно дал понять, что беспокоиться Ивану не о чем. Застукают – беги, как настоящий нарушитель, а если поймают, не дергайся, через час уже будешь на свободе с

честно заработанными деньгами в кармане. Учения! То, что в разговоре выглядело несерьезной чепухой, теперь, когда дошло до дела, представало в ином, пугающем свете. Поймают... Если поймают, то сгоряча могут ведь и ребра посчитать. Они ведь не знают, что это только проверка, учения, что все это не всерьез.

Удодыч все не шел – видно, его доклад получился длинным. Иван поскреб в затылке, озадаченно покрутил головой: да, брат, нервишки у тебя ни к черту! Верно говорят, что у страха глаза велики. Только дай себе волю – такого насочиняешь, что небо с овчинку покажется. А на самом-то деле все проще пареной репы: взялся за гуж – не говори, что не дюж. Аванс вытребовал? Вытребовал. Деньги взял? А то как же! Деньги брать – на это ни большого ума не требуется, ни особенной храбрости, тут все смелые, все решительные. А как до дела дошло, так что же – в кусты? Удодыч, между прочим, и не обещал, что все время будет рядом. У него, у Удодыча, наверняка есть своя собственная задача, потому что, если бы нужно было всего-навсего развести костерок, он управился бы с этим один, без Ивана. Недосуг ему с Иваном нянчиться, он свою работу делает. Делает и думает, между прочим, что Ваня Зубов в это время занят тем же, что и он – выполняет взятые на себя обязательства.

Записываться в волосяные гниды, терять остатки самоуважения и подводить соседа Ивану не хотелось. Он присел на корточки возле груды хвороста и принялся сгребать в кучку сухую траву, прошлогодние листья и веточки, которые помельче. Потом он вспомнил, что у него с собой имеется кое-что получше прелых листьев, и вынул из заднего кармана джинсов сложенный вчетверо журнал «Техника молодежи» за тысяча девятьсот восьмидесятый год. Этой «Техники молодежи» у него в гараже хранилась целая пачка, когда-то Иван просто обожал такое чтиво и был постоянным подписчиком журнала. Правда, с тех пор утекло уже очень много воды, и теперь толстенная подшивка драгоценного журнала служила Ивану, в основном, источником бумаги для бытовых нужд. Первое время он еще откладывал в сторону страницы, на которых были напечатаны произведения советских и зарубежных фантастов, а потом махнул рукой: что толку в этих сказках? Сплошное вранье, запудривание мозгов. Вся эта писанина только на то и годится, чтобы селедку в нее заворачивать.

Он неаккуратно выдрал из журнала несколько страниц, скомкал их, чтобы лучше горели, присыпал бумажный комочек мелкими веточками и чиркнул спичкой. Старая толстая бумага горела неохотно, но, когда пламя добралось до хвороста,

дело пошло веселее. Сухие ветки вспыхивали одна за другой – быстро, радостно, словно только того и ждали. Бледное при дневном свете пламя взметнулось сантиметров на пятнадцать и тут же опало, мгновенно сожрав мелкий хворост. Иван заторопился и второпях навалил в костер слишком много толстых сучьев. Пламя мигнуло в последний раз и погасло, оставив после себя только тонкую струйку едкого белого дыма. Иван присел на корточки и принялся дуть на тлеющие угольки. У него сразу закружилась голова – очевидно, давала знать несусветная жара. Тогда он сменил тактику: снова сел на корточки и принялся размахивать журналом, действуя им, как веером. Погасший было огонек снова поднял голову, окреп, лизнул голую серую древесину. Старая кора скукожилась, почернела и вспыхнула, как трут. Иван продолжал ожесточенно работать журналом, раздувая пламя и между делом прикидывая, есть ли у Удодыча в машине топор, лопата и огнетушитель на случай, если затеянная ими проверка даст отрицательный результат, и сюда никто не приедет, чтобы потушить огонь.

Потом он вдруг почувствовал, что, кроме него, на прогалине есть кто-то еще. Иван не слышал ни малейшего шума, кроме потрескивания огня, и не видел никакого движения, кроме пляски бледных язычков пламени и струек белого дыма. Но за спиной у него явно кто-то стоял, и, не успев даже удивиться или испугаться, Иван обернулся, уверенный, что увидит Удодыча.

Никакого Удодыча позади не оказалось.

Первым делом Иван увидел глаза. Их было почему-то целых четыре штуки: два, как и положено, располагались по горизонтали, слегка затененные сверху лакированным козырьком форменной фуражки, а еще два слепо таращились на Ивана огромными, черными, поставленными по вертикали, как лампы в светофоре, пустыми зрачками. До него не сразу дошло, что он смотрит прямым в стволы охотничьего ружья, а когда дошло, Иван похолодел. Впрочем, он почти сразу успокоился, разглядев кокарду на форменной фуражке, линялую рубаху армейского образца и плоскую полевую сумку на бедре незнакомца. Перед ним был то ли егерь, то ли лесник – словом, представитель власти, а не какой-нибудь бандит. Из этого следовало, что все идет по плану; вот только об огнестрельном оружии Удодыч ничего не говорил. А с другой стороны, гладкоствольный охотничий дробовик – это, строго говоря, никакое не оружие, да и стрелять из него никто не станет, разве что в воздух, для устрашения: стой, дескать, стрелять буду... Так ведь Иван и не собирался никуда бежать. Что ему, делать больше нечего – бегать по кустам, рискуя получить горсть дробы пониже поясницы?

– Стоять! – сказал лесник, хотя Иван и так стоял, не зная, что предпринять. – Не двигаться. У меня в обоих стволах медвежья картечь. Дернешься – разнесу в клочья.

Лицо у лесника было молодое, гладко выбритое, твердое, и выражение этого лица нравилось Ивану тем меньше, чем дольше он его разглядывал. Судя по нехорошему прищурю глаз, лесник действительно был готов стрелять на поражение. Да, точно, хотел, но пока что сдерживался, памятуя о том, что он – лицо официальное.

– Да стою я, стою, – поспешно заверил Иван. – Ты, командир, поаккуратнее с гармонью, а то, боже сохрани, пальнешь ненароком, потом отвечать придется.

С этими словами он шагнул к леснику – не столько к леснику, сколько подальше от своего костерка, который тем временем уже набрал силу и припекал Ивану ягодицы. Это невинное действие вызвало неожиданный эффект: лесник вдруг опустил стволы ружья пониже, и в следующее мгновение ружье бабахнуло, как полевая гаубица. Прямо перед кроссовками Ивана взлетел высокий фонтан земли пополам с клочьями дерна, по штанинам зло хлестнул вздыбленный картечью песок. Зубов застыл в нелепой позе, как будто они с лесником затеяли детскую игру в «замри – отомри».

– Ты чего? – с трудом шевеля онемевшими губами, пробормотал Иван, не рискуя пошевелиться, – больной, что ли? А если бы в ногу?

– Туши, – не вступая в дискуссию, приказал лесник, вместо разъяснений указав дымящимися стволами ружья на костер. – Быстро!

Ружье сразу же вернулось на место, снова уставившись Ивану в живот слепыми дырами стволов. Иван увидел, что дым ленивой синеватой струйкой течет только из одного ствола, из верхнего, а нижний оставался холодным и пустым – то есть не пустым, а, наоборот, заряженным верной смертью. Чтобы не смотреть в этот гипнотизирующий змеиный зрачок, Иван повернулся к нему спиной и увидел, что, пока они мило беседовали с лесником, огонь не терял времени даром.

– Как я это потушу-то? – с раздражением спросил он, оглянувшись через плечо на лесника. – У меня в мочевом пузыре столько воды не наберется.

– Живее, – отозвался лесник. – Туши, как хочешь. Даю тебе три минуты. Через три минуты я начну тушить сам, но сначала я тебя все-таки грохну.

– Посадят, – осторожно огрызнулся Иван.

– А кто узнает? – резонно возразил лесник и вдруг упер приклад в плечо и приник к нему щекой, сощутив левый глаз, а правым уставившись на Ивана поверх гладкого вороненого ствола. – Ну?!

– Хрен гну, – проворчал Иван и принялся, обжигаясь, растаскивать груды горящих сучьев.

Он топтал их ногами, сбивая пламя, забрасывал землей, тушил, гасил, расшвыривал подальше друг от друга, кашляя от дыма, обливаясь потом и мысленно проклиная ту минуту, когда согласился участвовать в этой аванюре. Хотя, если разобраться, все было в порядке вещей. Они с Удодычем хотели проверить, готовы ли соответствующие службы на местах к такой вот нештатной ситуации, так? Ну, вот и проверили. Службы готовы, честь им и хвала – как говорится, флаг в руки и паровоз навстречу. Только где же Удодыч, черт бы его побрал? Пора кончать с этим спектаклем!

Будто услышав мысленный призыв Ивана, появился Удодыч. Он вышел из кустов совсем не с той стороны, куда удалился несколько минут назад, и, поскольку лесник его не видел, значительно покашлял в кулак. Лесник резко обернулся и отступил на пару шагов, став так, чтобы держать под прицелом и Удодыча, и Ивана.

– Стоять! – резко выкрикнул он. – Кто такой? Документы!

Этот псих вел себя не как лесник, а как какой-нибудь омоновец. Иван подумал, что нынче среди молодежи развелась тьма вот таких отморожков. А все Чечня виновата, да еще телевизор...

– Легче, легче, б-браток, – сказал Удодыч. – Все нормально, с-свои.

Он вынул из кармана камуфляжной куртки какое-то удостоверение в красном коленкоровом переплете и протянул его леснику. Тот взял его левой рукой,

правой продолжая сжимать ружье, развернул, бросил взгляд вовнутрь и удовлетворенно кивнул.

– Очень кстати, – сказал он и опустил, наконец, ружье. – А главное, вовремя. Даже странно. Откуда вы взялись?

– Оттуда же, откуда и всегда, – довольно расплывчато ответил Удодыч, убирая удостоверение в карман. – Что тут у вас? П-поджог?

Он скользнул по лицу Ивана чужим, незнающим взглядом. Иван неуверенно улыбнулся, но его улыбка тут же увяла. Он, конечно, понимал, что Удодыч продолжает разыгрывать спектакль, но уж очень натурально это у него получалось. И, главное, зачем? Проверка окончена, огонь, можно сказать, потушен, лесник оказался на высоте, так какого рожна ему еще надо? Впрочем, они ведь хотели проверить не лесника, не руководство лесхоза, а совсем другое ведомство. Так, может, Удодыч сейчас объяснит этому придурку с ружьем, в чем тут соль, и они втроем доведут проверку до конца? Ведь, если разобраться, лесник тоже должен быть в этом заинтересован...

– А где остальные? – спросил лесник.

– Сейчас подтянутся, – пообещал Удодыч.

Он неторопливо вынул из кармана сигареты, сунул одну в зубы, снова пошарил по карманам и извлек оттуда некий предмет из вороненой стали, при виде которого у Ивана глаза полезли на лоб. Это был маленький револьвер с куцым стволом. Через секунду до Ивана дошло, что это, скорее всего, зажигалка, а в следующее мгновение Удодыч вдруг быстро прицелился этой зажигалкой в лесника и спустил курок. Зажигалка звонко бахнула, лесник выронил ружье и опрокинулся навзничь, прижимая к груди ладонь с судорожно растопыренными пальцами. Иван заметил выступившую между пальцами кровь, и ему стало чертовски неуютно: разыгранная Удодычем сцена выглядела чересчур естественно.

Лесник приподнял голову и зашарил по земле свободной рукой, пытаясь нащупать ружье. Удодыч шагнул к нему, вытянул руку с револьвером и нажал на спуск. Ничего не произошло. Удодыч спохватился, взвел курок большим пальцем и нажал еще раз. Револьвер – несерьезный какой-то, будто самодельный, – зло

подпрыгнул у него в руке, и Иван увидел, как на лбу у лесника вдруг появилась черная отметина, будто муха села. Лесник уронил голову, пару раз судорожно перебрал ногами и затих.

Иван открыл рот, чтобы спросить, что это значит, но слова утонули в зловонной клокочущей массе, вдруг подкатившей к горлу и в мгновение ока заполнившей рот. Иван сложился пополам, и его завтрак – первый настоящий, плотный завтрак за много месяцев – с отвратительным плеском вырвался наружу. Кашляя, отплевываясь и утирая тыльной стороной ладони испачканный рот, Иван разогнулся и увидел Удодыча, который, наклонившись, подбирал что-то с земли.

Удодыч выпрямился, держа в руках ружье убитого лесника. Он переломил стволы, проверил патронники и вернул стволы в исходное положение. Стволы стали на место с металлическим щелчком.

– Вот, брат, какое дело, – спокойно, с легким оттенком печали сказал Удодыч. – Вот оно как порой случается. Живет человек, живет, а потом – раз, и нет человека. Будто и не было никогда.

Стволы ружья приподнялись и начали описывать плавную кривую, нацеливаясь прямоком на Ивана.

– Удодыч, – пробормотал тот, отказываясь верить собственным глазам. – Удодыч...

– Вот такая петрушка, Ваня, – сказал Удодыч, и Иван только сейчас заметил, что он больше не заикается.

Иван круто развернулся – так круто, что запутался в собственных непослушных ногах и упал. Он тут же вскочил и бросился бежать без оглядки, ни о чем не думая, почти ничего не видя перед собой, мечтая только об одном – поскорее убраться отсюда на максимально возможное расстояние.

Далеко убежать ему не удалось. Удодыч небрежно вскинул ружье и спустил курок. Тяжелая медвежья картечь кучно ударила Ивана в спину между лопаток, во все стороны полетели клочья окровавленной материи и тяжелые красные брызги. По инерции Зубов сделал еще два неровных шага и с шумом завалился

головой в кусты.

Удодыч неторопливо закурил, держа под мышкой разряженный дробовик, и принялся за дело. Для начала он вернулся к трупку лесника и положил ружье возле его руки. Потом он подошел к Ивану. Тот еще дышал: остатки белой футболки на развороченной картечью спине потемнели от крови. Над раной деловито жужжали слетевшиеся на запах крови мухи. Удодыч бросил рядом с ним на землю свой тупоносый револьвер, нырнул в кусты и выволок оттуда тяжелую, маслянисто булькающую канистру. Когда он откинул пробку, по прогалине разлился одуряющий запах нагретого бензина. Действуя умело и сноровисто, Удодыч окатил бензином валежник, поплескал на траву, на кусты, в последний раз огляделся, проверяя, все ли в порядке, бросил окурок в бензиновую лужу и, повернувшись спиной к взметнувшемуся пламени, двинулся к дороге.

Через некоторое время Иван пришел в себя. Он попытался уползти от обступавшего его со всех сторон огня, но сил не было, они ушли в землю с кровью. Он прополз от силы метра полтора, а потом пламя настигло его. Иван хотел закричать, но звука не получилось. Тогда он потерял сознание, убежав от боли в спасительную темноту.

К тому моменту, когда Удодыч остановил на шоссе попутную машину, Иван Зубов был мертв.

Глава 2

Перед тем как зайти на посадку, самолет плавно развернулся, делая круг и постепенно теряя высоту. Наверху, в неправдоподобно голубом небе, весело сверкало солнце, а снизу расстилалась какая-то серая муть – то ли туман, то ли низкие облака. Глеб, разбуженный призывом стюардессы пристегнуть ремни, сонно поморгал, глядя в иллюминатор, будучи не в силах сообразить, что это за дымка. Прогноз погоды как будто был благоприятным. Туман? В такое время суток, в такую погоду? Странно...

– Ты смотри, что делается, – сказали позади него.

– Да, – откликнулся другой голос, – леса горят. Горят, горят... Каждый год горят, и никому дела нет.

Окончательно проснувшись, Глеб защелкнул на животе пряжку привязного ремня. Ремень был потертый, с тусклой от долгого употребления оловянной пряжкой и заметно разлохмаченными краями. На матерчатом чехле переднего сиденья красовалось большое жирное пятно. Смотреть на него почему-то было неприятно. Глеб отвернулся к иллюминатору.

Теперь самолет шел еще ниже, давая возможность убедиться в том, что серая муть, поначалу принятая за туман, оказалась дымом лесного пожара. Дым косматым ватным одеялом застилал землю почти до самого горизонта. Порой в серой дымке встречались просветы, в которых можно было разглядеть то черную щетину леса, то нитку шоссе, то кажущиеся с высоты неправдоподобно ровными квадратики возделанных полей. Потом промелькнувший ландшафт снова заволакивался непрозрачным серым маревом. Глеб потянул носом: ему почудилось, что в салоне пахнет горелым.

– Ай, что творится! – сказали где-то впереди. – Давно такого не было. Страшное дело – пожар на торфяниках.

Какой-то разговорчивый пассажир, не спрашивая ничьего согласия, принялся пространно и с излишними подробностями излагать, какая это страшная штука – пожар на торфяниках. Он говорил, что провалившийся в горячий торф человек мгновенно превращается в головешку, горстку раскаленного праха, в ничто. Некоторое время Глеб боролся с острым желанием встать и попросить добровольного лектора заткнуться, а потом усилием воли отключил внимание и закрыл глаза. Болтовня разговорчивого пассажира сразу превратилась в назойливое бормотание, лишённое всякого смысла, и, устранив досадную помеху, Глеб стал думать об Ирине.

В изолированном мирке, который Глеб создал для себя за опущенными веками, было темно и тихо. Голос самозванного лектора и гудение двигателей сливались в сплошной монотонный гул; сильно ныл задетый пулей бок, и в болезненной полудреме Глебу казалось, что боль и доносившиеся снаружи звуки находятся в какой-то странной взаимосвязи: не то боль звучала, как крупная навозная муха, не то, напротив, гудение и жужжание вызывали боль в боку. Он упрямо заставлял себя думать о том, как вернется домой и встретит Ирину, пытался представить ее в домашнем платье на пороге или в фартуке у плиты, или в

вечернем наряде за столиком дорогого ресторана, но изображение почему-то получалось плоским и размытым, как на скверной газетной фотографии. Ирино лицо все время норовило смениться другим лицом – широким, почти квадратным, с приплюснутым носом и густыми, черными с проседью усами. Мутноватые глаза, упрятанные, как у ящерицы, в кожистых складках и морщинах, смотрели с холодной угрозой. Это лицо выглядело живым, хотя его обладатель был мертв уже в течение сорока восьми часов.

Глеб сдался. В конце концов, его последнее задание, хоть и было выполнено, заслуживало того, чтобы о нем призадуматься. Пуля из безотказного «вальтера», оцарапавшая ему ребра, одним махом превратила поставленную Глебом жирную точку в многозначительное многоточие. Глеб под диктовку генерала Потапчука написал: «Конец», пользуясь снайперской винтовкой вместо шариковой ручки, а некто, пожелавший остаться неизвестным, при помощи старого девятимиллиметрового «вальтера» зачеркнул эту надпись и дописал снизу: «Продолжение следует». Это было чертовски неприятно. Глеб терпеть не мог историй с продолжениями; более того, его работа как раз и заключалась в том, чтобы беспощадно раз и навсегда отсекал всякие продолжения.

«Так оно и бывает, – подумал Глеб. – Так оно бывает всякий раз, когда работаешь по чужой наводке, по разработанному без твоего участия неизвестному плану. Так оно и происходит, когда соглашаешься на роль тупого исполнителя: поехал, куда сказано, сел, где велено, и шлепнул того, кто изображен на фотографии. А потом оглянуться не успеешь, как за тобой уже тянется хвост длиной в километр, и какие-то небритые типы, вынырнув из-за угла, палят в тебя из музейных пистолетов...

Усилиями воли он подавил вспыхнувшее раздражение. Давая ему это задание, генерал Потапчук наверняка знал, что делает и, если использовал своего лучшего агента втемную, то, видимо, имел на то веские причины. Как говорится, меньше знаешь – лучше спишь; но в данном случае из-за своей неосведомленности Глеб едва не уснул навеки, и данное обстоятельство его ничуть не радовало.

* * *

...В Екатеринбурге стояла несусветная жара, солнце сверкало так, что Глеб с его повышенной чувствительностью к свету не снимал темные очки даже в

помещении. Одноместный люкс в обветшалой гостинице послевоенной постройки был раскален, как духовка газовой плиты, и мог вызвать острый приступ клаустрофобии даже у моллюска. Глеб провел в этой обшарпанной душегубке полдня и часть ночи, но ему показалось, что эта пытка тянулась год. Выйти из номера и просто прогуляться по городу он не мог – Потапчук запретил лишний раз высовываться за дверь во избежание неожиданностей. Все действия Глеба были заранее расписаны по минутам; в принципе, это было привычное явление, если не считать того, что расписание составил не сам Глеб, а какой-то анонимный умник в полковничьих погонах. А может, и не в полковничьих, а в майорских или даже капитанских... Судя по результатам, профессиональный уровень человека, который составил план, оставлял желать лучшего.

Поначалу все шло, как по нотам. В назначенный час Глеб занял позицию на плоской крыше какого-то промышленного сооружения, имевшего заброшенный вид. Длинный брезентовый сверток обнаружился в условленном месте, а именно за широкой квадратной трубой вентиляции, третьей с краю в длинном ряду точно таких же склепанных из оцинкованной жести труб. Развернув брезент и дотронувшись до вороненой стали казенника, Глеб про себя отметил, что контора, кажется, начинает выходить из многолетнего кризиса. Направляясь сюда, он не без оснований побаивался, что длинная цепочка исполнителей где-нибудь даст сбой, возникнет привычная путаница, и ему придется срочно искать выход из положения, а то и вовсе возвращаться в Москву ни с чем. Но, вопреки его ожиданиям, этого не случилось: громоздкий механизм федеральной службы на сей раз сработал без осечки, и агенту по кличке Слепой оставалось только добросовестно выполнить свою часть работы.

Времени у него было сколько угодно, и Глеб воспользовался этим, чтобы не торопясь, обстоятельно проверить свой «инвентарь». Механизм и оптика винтовки были в полном порядке, в магазине маслянисто поблескивали патроны; цифровая камера тоже функционировала нормально – Глеб проверил это, засняв безрадостную панораму покинутой промышленной зоны. После этого он установил штатив, прикрепил к нему камеру и стал ждать, от нечего делать используя оптический прицел винтовки в качестве подзорной трубы.

За час до контрольного времени прибыли быки. Они приехали на старом белом джипе, загнали свое корыто в ворота соседнего цеха и затаились где-то внутри. Их было пятеро, но Глеб сразу сбросил их со счетов: цех, в котором они засели, был одноэтажный, и со своего места Сиверов отлично видел его плоскую, пятнистую от многочисленных заплат крышу. Засечь его снизу быки не могли,

так что о них можно было забыть – на время, а может быть, и навсегда. На всякий случай Глеб заснял все что можно – и цех, и быков, и белый джип, и даже его номер крупным планом, – хотя понимал, что генерала Потапчука подобная информация, скорее всего, не заинтересует.

Потом объявился клиент. Он прикатил на тяжелом, вызывающе белом мерседесовском лимузине с тонированными стеклами в сопровождении двух джипов, набитых вооруженными людьми. Дождавшись, пока машины остановятся, Глеб навел на них и намертво зафиксировал камеру. При этом он не преминул отметить про себя, что Потапчук, кажется, не зря вмешался в это дело самолично, не передоверяя его местным органам: судя по повадкам, клиент набрал в здешних местах такую силу, подмял под себя весь край, и укоротить его можно было только так, и никаким иным способом. Местным властям он был не по зубам, потому что давным-давно сам стал властью и мог свысока поглядывать на суесящихся внизу людишек в погонах.

Глеб проверил, ведется ли запись, и перешел к выполнению более привычных для него обязанностей. Затвор винтовки привычно клацнул, дослав в патронник первую порцию верной смерти. И сейчас же, как будто щелчок затвора явился неким условным сигналом, на подъездной дороге появилась еще одна группа автомобилей – широкий плоский «линкольн» в сопровождении двух «мерседесов». Глеб на мгновение оторвался от прицела и бросил взгляд на часы. Участники встречи прибывали в точном соответствии с расписанием, прямо как троллейбусы на идеально отлаженной линии. Это хорошо. Он пронаблюдал всю процедуру встречи почти до самого конца, и, когда договаривающиеся стороны сошлись посередине замусоренной асфальтированной стоянки, плавно потянул спусковой крючок. Винтовка издала характерный хлесткий звук, и клиент – коренастый, начавший грузнеть мужчина с блестящей лысиной в обрамлении благородных сединок – тяжело опустился на землю, пачкая серый асфальт темной кровью, которая текла из пробитой лысины.

Его визави хищно присел на полусогнутых ногах, продолжая цепляться за плоский серебристый кейс, и неуловимым движением извлек откуда-то из-под пиджака большой, солидный пистолет. Перекрестие прицела подрагивало где-то возле выреза его белой рубашки, но Глеб увел ствол винтовки в сторону, нашел другую мишень и положил рядом с трупом клиента тело его помощника, который тоже сжимал в руке некий кейс. На запястье этой руки что-то блеснуло, и Глеб понял, что кейс был прикован к руке наручниками.

В обойме оставалось еще целых восемь патронов, но дело было сделано. Внизу поднялась отчаянная пальба. Потрепанный белый джип, пулей выскочив из ворот заброшенного цеха, с ходу протаранил приземистый «линкольн». Стрельба достигла пика, на стоянке с грохотом разорвалась граната. Глеб спокойно отложил в сторону отслужившую винтовку, встал, выключил камеру, снял ее со штатива и не спеша зашагал к лестнице. Проходя мимо жестяного оголовка вентиляционной трубы, он стащил с ладоней и бросил в оцинкованный короб перчатки, которые беззвучно канули вниз.

Беспощадная война на взаимное уничтожение была объявлена. С этого момента ликвидация двух крупнейших преступных группировок в данном регионе стала делом времени. Местные власти могли ускорить этот процесс, но даже при условии их полного бездействия повернуть его вспять было невозможно. Глеб покинул промышленную зону, стараясь не думать о том, что своей меткой стрельбой положил начало очередному переделу собственности. Два человека, набравшие чересчур большую силу, были выведены из игры, и теперь их место, наверное, займут другие – менее самостоятельные, более сговорчивые и, возможно, зависимые от ФСБ. Впрочем, его это уже не касалось; те двое, которых он застрелил, и все остальные, кого убили и еще убьют с его подачи, заслуживали самой суровой кары. Закон был бессилен против них, но Глеб Сиверов давно понял, что законы пишутся не для всех. Да и как может быть иначе? Правила, установленные для стада, не годятся для пастухов. Если стерегущая отару овчарка вдруг начнет проповедовать непротивление злу насилием, овцам не позавидуешь. Быть овцой, конечно, спокойнее, и хлопот поменьше, но, если родился овчаркой или волком, трава тебе в глотку уже не полезет...

Вернувшись в город, он зашел в интернет-кафе, адрес которого ему еще в Москве дал генерал Потапчук, отыскал там нужного человека и через две минуты получил все, что ему требовалось. Вскоре сделанная им запись, превратившись в набор электронных импульсов, ушла по телефонным проводам в Москву, чтобы практически мгновенно оказаться на жестком диске установленного в кабинете генерала Потапчука компьютера. Глеб понятия не имел, зачем генералу понадобилась эта запись. Оставалось только предположить, что у Федора Филипповича были личные счета с кем-то из главных героев этого ролика, и снятый Глебом кровавый сюжет был нужен генералу исключительно для собственного удовольствия. Такое предположение выглядело весьма сомнительно, но ничего другого Глебу не приходило в голову: обычно Потапчук не требовал от него доказательств того, что работа выполнена.

Да нет, подумал Глеб, – при чем тут доказательства? Подробный отчет об этой бойне наверняка выйдет в эфир уже в вечернем выпуске новостей, так что доказательств будет предостаточно и без моего любительского фильма. Тогда в чем дело?

Закончив передачу, Глеб наведалься в мужской туалет этого же кафе, извлек из камеры кассету, сломал пластиковый корпус и сжег в унитазе пленку. Выходя из кабинки, он неожиданно наткнулся на небритого типа с «вальтером». Тип не стал вступать с ним в переговоры, не стал требовать у Глеба кошелек в обмен на жизнь, а просто поднял пистолет и спустил курок. Глеб метнулся в сторону раньше, чем мозг успел до конца осознать увиденное, но перегородка кабинки остановила его, не дав полностью уйти с линии огня, и тупоногая пистолетная пуля, вспоров кожу на боку, с противным скрежетом скользнула по ребрам. В правой руке у Глеба по-прежнему была компактная цифровая видеокамера, и этой камерой он с размаху ударил киллера по лицу, вложив в удар все, что мог. Небритый стрелок с рассеченной скулой отлетел к стене и впечатался лопатками в грязноватый кафель. Глеб прыгнул следом, отбросив в угол разбитую камеру, и первым делом придавил к стене запястье, сжимавшее пистолет. Киллер рванулся, но его ход уже был сделан, причем неудачно, так что все остальное не заняло много времени.

Перед уходом Глеб старательно собрал с пола все пластмассовые обломки, на которых могли сохраниться отпечатки его пальцев. Легкая спортивная куртка была у него в сумке, и он надел ее, хотя на улице стояла такая жара, что хотелось выскочить вон из собственной кожи. В ближайшем аптечном киоске он купил все необходимое для перевязки и обработал рану, как только смог уединиться.

Больше ничего не произошло, но и того, что уже случилось, ему показалось достаточно. До самого вечера Глеб кружил по городу, пытаясь засечь слежку, но так ничего и не обнаружил. Все это было чертовски странно, и, несмотря на рану в боку, он отправился домой кружным путем. В результате дорога, которая должна была занять несколько часов, отняла у него четверо суток. Это были не самые лучшие дни в его жизни. Оставленная пулей борозда все-таки воспалилась. Но гораздо больше, чем боль, ему досаждали собственные мысли о причинах неудавшегося на него покушения. Что это было? Почему? Как киллеру удалось на него выйти? Там, в промышленной зоне, Глеб все сделал чисто, и хвоста за ним не было. На подходах к кафе он тоже не заметил ничего подозрительного, и все-таки убийца настиг его там – пожалуй, с некоторым

опозданием, но все-таки настиг. Вряд ли тот тип с «вальтером» был обыкновенным маньяком; скорее всего, это был рядовой и не слишком квалифицированный исполнитель, посланный туда специально, чтобы убрать столичного гостя. Но кто мог знать о его приезде? Но об этом знал тот, кто оборудовал для Глеба огневую позицию...

Такой вывод не нравился Глебу, потому что напрямую связывал неизвестного организатора покушения с генералом Потапчуком. Впрочем, Сиверов решил не пороть горячку: во-первых, у Федора Филипповича не было причин желать ему смерти, а во-вторых, если бы такие причины и существовали, то генерал ФСБ Потапчук повел бы дело совсем не так. Скорее всего, решил он, несмотря на все меры предосторожности, где-то произошла утечка информации, и кто-то, имевший заинтересованность в этом деле, попытался сделать ответный ход. Сделано это было из рук вон плохо, и тот факт, что Глеб до сих пор оставался в живых, служил тому наилучшим подтверждением. Ведь если там, в Екатеринбурге, Глеба взяли под колпак, то шансов добраться до дома живым у него практически не было. Он был у своего невидимого противника как на ладони: хочешь, сразу придави, а хочешь – посмотри, в какую сторону побежит. Да и чего смотреть-то? Противник и так знал, откуда Глеб приехал и куда намерен уехать. Возможно, этот человек знал даже, кто он такой.

Но слежка отсутствовала. В этом Глеб был уверен. Его путь из Екатеринбурга был таким извилистым и непредсказуемым, он столько раз менял направление движения, пересаживаясь из угнанных автомобилей в электрички, с электричек на поезда дальнего следования, а из поездов на «кукурузники» местных авиалиний, что уследить за ним, оставшись при этом незамеченным, не смог бы даже человек-невидимка.

...Через двадцать минут самолет благополучно приземлился. Смешавшись с толпой пассажиров, Глеб быстро спустился по трапу. Был полдень, но солнце едва пробивалось сквозь туманную дымку, которой было затянуто все вокруг. Было жарко и сухо, но висевший в воздухе мутный кисель создавал ощущение, что на дворе не август, а вторая половина октября – время сырых туманов и листопада. И, как это часто бывает в октябре, пахло горьким дымом, как будто тысячи дворников, сговорившись между собой, разом подожгли миллионы тонн опавших листьев, собранных в огромные кучи.

* * *

Генерал Потапчук тяжело опустился в кресло, поставив рядышком свой заметно обносившийся портфель. Вид у генерала был не ахти, но Глеб все-таки рискнул предложить кофе. Федор Филиппович отрицательно покачал головой, и Сиверов снова поразился тому, как сильно Потапчук сдал за то время, что они не виделись. И ведь прошло-то всего несколько дней!

– Не хочу я твоего кофе, – озвучил генерал свой отказ. – Обоняние у меня уже не то, что в юности...

– А при чем тут обоняние? – удивился Глеб, выключая пыхтящую кофеварку и сливая содержимое прозрачной колбы в большую керамическую кружку. Изящные фарфоровые чашки, которые он приготовил для себя и генерала, остались нетронутыми.

– Все труднее становится различать оттенки запахов, – пояснил генерал. – Есть очень похожие запахи, есть просто похожие, есть отдаленно похожие... А для меня теперь все едино – что кофе, что жареные подсолнухи, что... гм... горелый торф. Вот у меня где этот запах! – Он резко провел ребром ладони по кадыку. – Вот смотрю сейчас на тебя и не могу избавиться от ощущения, что ты пьешь торфяной отвар.

– Гм...

Глеб отставил в сторону кружку, успев сделать всего пару малюсеньких глотков. Желание выпить по-настоящему хорошего кофе, донимавшее его на протяжении всей поездки, бесследно улетучилось. Ему вдруг показалось, что его любимый напиток и впрямь воняет дымом горящих торфяников. Он покосился на окно. Сквозь планки горизонтальных жалюзи сочился жемчужно-серый, с неприятным желтоватым оттенком свет – ни дать, ни взять, раннее осеннее утро, прямо как в романсе: утро туманное, утро седое... Глеб взглянул на часы: четырнадцать тридцать. Ч-черт...

– Спасибо, Федор Филиппович, – сказал он. – Вот это, между прочим, и называется: сам не гам, и другому не дам.

Генерал вдруг полез в нагрудный кармашек светлого летнего пиджака и вынул оттуда тонкую стеклянную трубочку с какими-то пилюлями. Поддев ногтями, вынул пластмассовую пробку, выкатил на ладонь таблетку, резким жестом

бросил ее под язык, снова закупорил флакон и убрал его на место. Глеб мысленно присвистнул.

– Что это? – встревоженно спросил он. – Вам нехорошо?

– Мне просто превосходно, – причмокивая, проворчал генерал, – а это – мятные пилюли. Освежает... Пей свой кофе, сколько влезет, кто тебе запрещает? А я вот «холодок» пососу...

Глеб осторожно потянул носом, хотя и без этого видел, что генерал неумело лжет, даже не слишком заботясь о правдоподобии. Его ноздрей коснулся слабый, почти неуловимый запах, действительно отдаленно напоминавший запах мяты. Похоже, генерал Потапчук на глазах у Глеба сосал самый обыкновенный валидол, делая вид, что получает от этого процесса удовольствие.

– Федор Филиппович, – осторожно сказал Глеб, – а может, вам лучше поехать домой? Полежите, отдохнете... А отчет я вам представлю в письменном виде. Могу даже в трех экземплярах.

– А может, тебе и форму выдать? – продолжая причмокивать, проворчал генерал. – Погончики, фуражечку... Явишься на Лубянку, в мою приемную, запишешься у секретаря... А? Отчет... Отчетность и документация – дело хорошее, но, увы, не в нашем с тобой случае. И потом, я же видел видеозапись. Все было проделано в твоём стиле – быстро, красиво и чисто. Поэтому остается только гадать, где тебя носило целых четыре дня, и почему у тебя бок забинтован.

Глеб удивленно поднял брови. Генерал, хоть и смотрел куда-то в сторону, заметил это движение и криво, с явным трудом усмехнулся.

– А ты думал, я не замечу? Думал, рубашечку навывпуск надел, и все шито-крыто? Не у одного тебя глаза имеются, Глеб Петрович. Давай, рассказывай, в чем дело. Я же вижу, тебе есть чем поделиться.

– А надо ли? Все хорошо, что хорошо кончается. По-моему, вам сейчас не до этого.

– А вот это уж не тебе решать, – отрубил Потапчук. – Вот станешь директором ФСБ, тогда и будешь указывать, до чего мне есть дело, а до чего нет. Да и тогда, пожалуй, я оставлю за собой право окончательного решения по этому вопросу.

– А субординация как же? – деланно всполошился Глеб.

– Вот о ней, родимой, я и говорю. Докладывай.

Несмотря на тревогу, вызванную состоянием здоровья генерала, Глеб не удержался от смеха.

– Надо же, как вы меня подловили! – сказал он.

– А ты думал, – усмехнулся генерал. – Практика! Так я тебя слушаю.

Глеб пожал плечами и стал докладывать. Теперь, в уютной полутьме конспиративной квартиры, его недавние приключения выглядели далеко не такими опасными и загадочными, какими казались еще несколько часов назад, но Потапчук, наверное, был прав: благодушествовать не стоило.

Когда Слепой закончил, генерал усмехнулся, покачал головой и полез было в боковой карман пиджака, но тут же спохватился и положил руку на подлокотник кресла.

– Сигареткой угостишь? – спросил он.

– Если вы настаиваете, – сказал Глеб. – Но ведь у вас есть свои. Они вам, наверное, привычнее.

– С чего это ты взял, что у меня есть сигареты? – вскинулся Потапчук. – Ты же знаешь, я бросил.

Глеб повторил его движение, потянувшись рукой к несуществующему карману.

– Привычка – вторая натура, Федор Филиппович, – с улыбкой сказал он. – Раньше вы всегда носили в этом кармане сигареты. Да у вас и теперь на нем клапан завернут. Сразу видно, что вы туда частенько лазите. Нехорошо, товарищ

генерал.

– Что нехорошо? – огрызнулся Потапчук.

Сейчас он до смешного походил на школьника, которого застукали с поличным во время курения в туалете.

– Чередовать сигареты с валидолом, – ответил Глеб. – Очень нездоровое занятие.

Потапчук закричал, полез в карман и выложил на стол пачку облегченных сигарет.

– Я, в общем-то, и не курю, – смущенно сказал он. – Так, иногда только, когда прижмет по-настоящему... Надоело, понимаешь, у подчиненных стрелять. Ну и для тренировки воли, сам понимаешь. Сунешь руку в карман, пощупаешь пачку – лежат, родимые! Ну и пусть лежат... Не люблю я из-под палки действовать. А так сохраняется иллюзия свободы: дескать, захочу – закурю, а не захочу – не буду.

– М-да, – сказал Глеб. – Слышал я такие истории. Сначала человек выдержку тренирует, а потом, глядишь, задумался, заспорил с кем-нибудь, забыл про эту самую свободу воли, а рука тем временем шмыг в карман... Очнулся, а перед тобой уже полная пепельница бычков. Ну а дальше все ясно: дескать, один черт, все равно сорвался, так пропади оно пропадом, это воздержание!

– Ай-яй-яй, – сварливо проворчал Потапчук, – какие мы проницательные, какие всеведущие! Яйцо курицу учит... И потом, какой смысл себя истязать? От этого дыма хоть какое-то удовольствие, а там, – он кивнул в сторону окна, – никто не спрашивает, хочешь ты глотать отраву или не хочешь.

Тем не менее, руку, которая уже была готова выудить сигарету, генерал все-таки убрал, хотя Глеб догадывался, чего ему это стоило.

– Так вот, – продолжал Потапчук, с усилием отводя взгляд от лежавшей на столе пачки, – по поводу твоих дорожных приключений... Должен тебя огорчить: зря ты с продырявленным боком по всей стране колесил. Тот парень с «вальтером» был запоздалой и неумелой попыткой одного мерзавца спасти свою шкуру. Жест

отчаяния, так сказать... И то, что тебя все-таки задело, не делает тебе чести. Стыдно с твоей квалификацией подставляться под пулю какого-то уголовника. Стыдно!

– Стыдно, – согласился Глеб. – И довольно болезненно. А о каком мерзавце вы упомянули?

– Сотрудник регионального отделения, – скривился генерал. – Сволочь с двойным дном. Один из моих спецов опознал его на видеозаписи, которую ты передал. Потому тебя и не преследовали, что он к тому времени уже был арестован и начал давать показания. Не мог он никого за тобой послать, так что следы ты путал совершенно напрасно. Впрочем, может, оно и к лучшему. Целых четыре дня за пределами этой душегубки, – он снова кивнул на окно, – это, Глеб Петрович, очень даже недурственно.

Сиверов встал с дивана, подошел к окну и, раздвинув планки жалюзи, выглянул наружу. Дом на противоположной стороне улицы был виден совсем не четко, а в перспективе очертания строений совершенно терялись в дыму. Машины медленно крались по окутанным удушливым туманом улицам, буравя дымную мглу размытыми огнями включенных фар, редкие пешеходы передвигались едва ли не перебежками, торопясь поскорее оказаться в наглухо закупоренном помещении. Несмотря на жару, Глебу не удалось увидеть ни одной открытой форточки.

– Давно такого не было, – повторил он услышанную в самолете фразу.

– Конец света, – согласился генерал. – Вчера один полковник рассказывал: приехал к нему родственник из глубинки и по привычке полез в метро. Заходит, а там никого. Час пик, а в метро пусто, но при этом все открыто, свет горит, цифры на табло мигают – словом, все как положено, только людей нет, пропали куда-то. Стоит бедняга на перроне и не может сообразить, что это за петрушка такая. Потом видит: бежит по перрону мужик и крестится, крестится... Что, думает, за ерунда, куда все подевались? И вдруг чувствует, что дышать-то ему нечем! Насилу выбрался...

– Угарный газ тяжелее воздуха, – сказал Глеб. – А система вентиляции в метро древняя, установленная еще при Иосифе Виссарионовиче. Ничего удивительного. В общем-то, зная элементарные законы физики, этого можно

было ожидать.

– Физики! – сердито передразнил генерал. – Вот ты, к примеру, много думаешь о законах физики, когда спускаешься в метро?

– Да, – согласился Глеб. – Обычно думаешь о том, как бы поскорее добраться до места. А в родной метрополитен москвичи верят сильнее, чем в Господа Бога. И уж наверняка сильнее, чем в какую-то там физику. Представляю, как они были удивлены, когда метро превратилось в душегубку. Жертв много?

– Не без того, – неохотно сказал Потапчук. – Естественно, о них нигде не сообщалось.

– Естественно, – кивнул Глеб и вернулся на диван. Ему хотелось закурить, но он решил не дразнить генерала.

– Ты знаешь, – после непродолжительной паузы сказал Потапчук, – наши аналитики кое-что подсчитали... Это по поводу погоды.

– Вот уж никогда бы не подумал, что ваше управление станет интересоваться метеорологией! – удивленно воскликнул Глеб.

– Представь себе, я тоже. Честно говоря, ознакомившись с отчетом аналитического отдела, я решил, что это, как говорится, горе от ума. Совсем, думаю, крыша поехала у моих яйцеголовых, пора их на курорт отправлять – всем отделом, со строевой песней.

– Ну, это, положим, давно пора, – сказал Глеб и все-таки закурил. Он чувствовал, что генерал вот-вот скажет что-то интересное, и боялся его спугнуть. Поэтому он даже не стал ничего говорить, когда Федор Филиппович, будто невзначай, сунул в зубы сигарету и потянулся к нему за огоньком, а просто чиркнул зажигалкой. – Кому я всю жизнь завидовал, так это аналитикам. Сиди себе в теплом, сухом, хорошо проветриваемом помещении, ковыряя в ухе, нажимай одним пальцем на клавиши и устанавливай взаимосвязи между нашествием полевых мышей в колхозе «Последний путь Ильича» и провалом нашей агентурной сети в Южной Африке. Но погода... Они что, ухитрились путем анализа количества атмосферных осадков вывести планы Господа Бога?

– Тебе все шуточки, – сказал Потапчук, с жадностью затягиваясь сигаретой. Глеб нашел глазами пепельницу, потянулся, не вставая, и поставил ее на стол. – Кто-то когда-то сказал, что есть ложь, беспардонная ложь и статистика. Сказано остроумно, и доля правды в этом утверждении тоже имеется, но все-таки статистика – это, как ни крути, наука. Вот, гляди.

Он полез в портфель и положил на стол рядом с пепельницей какой-то график, распечатанный на цветном принтере. На графике были две кривые – красная и зеленая. Обе упрямо карабкались вверх, но красная выглядела намного круче, а ее правый конец и вовсе задибался кверху, как траектория истребителя, который вознамерился сделать «петлю Нестерова». Никаких условных обозначений на графике не было – только ровные, без разметки, оси координат и две жирные линии, которые могли обозначать все что угодно.

– Красиво, – сказал Глеб, отодвигая от себя график. – На мой вкус немного пестро, вместо зеленой линии я бы нарисовал, скажем, синюю или коричневую, но это не принципиально. Хорошая вещь – компьютер! Нажал кнопчку – получай картинку. Удобно! И что, по мнению ваших аналитиков, должны обозначать эти разноцветные червячки?

– Не паясничай, Глеб Петрович, – сказал Потапчук, – это тебе не идет. Эти, как ты выразился, червячки отображают соотношение роста количества стихийных бедствий – пожаров, наводнений, горных обвалов, схода лавин и прочей петрушки в этом роде – и глобальных климатических изменений. Зеленая линия обозначает среднюю прогнозную величину, красная – реальное положение вещей. Как видишь, разница есть, и притом существенная.

Глеб снова взял график в руки, повертел его перед глазами и, пожав плечами, положил на стол.

– Говоря по-русски, – задумчиво сказал он, – зеленый червячок показывает, сколько стихийных бедствий должно было произойти с учетом глобального потепления климата, а красный – сколько их произошло на самом деле. Так? Ну и что? Насколько я понимаю, точность такого анализа оставляет желать лучшего. Чересчур много факторов, причем таких, которые с большим трудом поддаются учету. А то и вовсе не поддаются... В такой ситуации неизбежны ошибки. Не мне вам объяснять, что при подобных вычислениях даже самая ничтожная ошибка в исходных данных при построении графика даст чертовски большое отклонение. Тут не написано, к какому периоду времени относятся использованные данные.

Сколько это – пятьдесят лет, сто? При умножении на сто ошибка в один миллиметр даст отклонение в десять сантиметров.

Потапчук медленно покачал головой и с отвращением раздавил в пепельнице окурок.

– Трава, – с сожалением произнес он. – Ненавижу эти облегченные. С таким же успехом можно палец сосать. Или карандаш... Дай свою, если не жалко.

Глеб молча протянул ему пачку. Генерал закурил, сделал глубокую затяжку и закашлялся.

– Отвык, – сказал он, утирая выступившие на глазах слезы. – Так тебя интересует период времени? Пять лет. Пять последних лет, Глеб Петрович. Причем заметь, в начале обе линии, можно сказать, совпадают, а потом появляется расхождение, и оно все время увеличивается. А под конец... Ну сам видишь. Просто фонтан какой-то. Погоди, не перебивай. Все твои возражения мне известны, я их сам высказывал вчера. Но эти черти быстро заткнули мне рот. Вот, взгляни-ка.

Он снова полез в портфель и выложил рядом с первым графиком еще два.

– Это такие же графики по Западной Европе и Соединенным Штатам, – сказал он. – Чувствуешь разницу? Данные, как ты сам понимаешь, взяты за тот же период.

Глеб посмотрел на графики и задумчиво потер переносицу под дужкой дымчатых очков. Да, разница была видна невооруженным глазом. На двух последних графиках красная и зеленая линии почти совпадали, причем местами красная проходила даже ниже зеленой.

Генерал молчал, с интересом разглядывая озадаченное лицо собеседника. Глеб чувствовал, что от него ждут ответа, но не понимал, что нужно сказать. «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить», – вертелось у него на языке, но это были не те слова, которых ждал от него генерал.

– Человеческий фактор, – сказал он наконец. – Вот чего не учли ваши аналитики. Широкая русская душа. В стране бардак, и всем на все плевать. Здесь бросили

окурков, там не отремонтировали плотину... Понятно, что при таких условиях ущерб от стихийных бедствий будет на несколько порядков выше, чем в цивилизованных странах.

– Речь идет не об ущербе, – возразил Потапчук, – а о самих стихийных бедствиях. На территории России они возникают в несколько раз чаще, чем должны даже по самым пессимистичным прогнозам. Фактор материального ущерба был намеренно исключен из набора предварительных данных. А вот человеческий фактор, как мне объяснили, наоборот, был учтен, и притом, что называется, с запасом. Кстати, уже по моей просьбе ребята сделали такой же анализ по республикам бывшего Союза. Графики я брать не стал, чтобы не запутаться, но поверь моему слову: такого, – он постучал пальцем по первому графику, – нет ни на одном из них. Все они выглядят примерно одинаково, везде фактическое положение вещей почти полностью соответствует прогнозу. А что касается бардака, так его у нас стало заметно меньше за последние пять лет.

– С последним утверждением я мог бы поспорить, – сказал Глеб. – Бардака стало меньше в Москве, а края продолжают разваливаться. Государство воюет с чеченцами, а господам олигархам жаль тратиться на поддержание в должном порядке каких-то противопаводковых систем и противоселевых заграждений. На кой черт им это нужно? Они-то при любом раскладе даже ног не замочат!

– Только не надо политических диспутов, – поморщился Потапчук. – К тому же, естественный износ защитных сооружений тоже был учтен при составлении графика.

– Ну тогда я не знаю! – Глеб развел руками. – Тогда и впрямь остается предположить, что у Господа Бога в отношении нас имеются свои собственные планы, и притом самого радикального свойства. Такие ребусы не по моей части, поскольку Господа Бога трудновато поймать на мушку.

– Гореть тебе в аду за такие слова, – шутливо предупредил генерал. Глебу показалось, что шутил он только наполовину. – И потом, есть кое-что, чего не знают даже наши аналитики. Я тут порылся в милицейских сводках и обнаружил кое-какие данные... Понимаешь, месяц назад при тушении лесного массива пожарники обнаружили посреди горящего торфяника два трупа. Один из них был опознан как работник местного лесхоза. Опознали его по ружью – вернее, по тому, что от ружья осталось. Ну и еще по кокарде... Второй – неизвестный, застреленный из этого самого ружья. Возле него нашли газовый револьвер,

переделанный под мелкокалиберный патрон. Две пули из этого револьвера обнаружили в теле лесника – одна в груди, а другая – в голове. Там же нашли обгоревшую жестяную канистру, а на дороге – остов «нивы». «Нива» эта к тому времени уже неделю числилась в угоне. Официальная версия такова: какой-то сумасшедший приехал туда на угнанном автомобиле и пытался поджечь лес. Лесник его застукал, между ними завязалась перестрелка, в результате которой оба погибли.

– Изящно, – сказал Глеб. – А главное, никого не надо искать. Сумасшедший, значит? Знаете, у Станислава Лема есть повесть, где один герой говорит, что безумие вроде мешка, в который не слишком компетентные следователи склонны складывать все преступления, мотивы коих им непонятны. Боюсь, для сумасшествия это чересчур громоздко: угнанная машина, канистра с бензином, да еще и револьвер... Странно. Ни один псих не стал бы так тщательно готовиться к обыкновенному, да еще и совершенно бесцельному поджогу.

– Это ерунда, – сказал генерал. – Откуда нам знать, к чему стал бы готовиться псих. Я точно знаю одно: ни один псих не смог бы всадить в человека две пули подряд из плохонького самодельного револьвера, перед этим получив заряд медвежьей картечи между лопаток. И ни один лесник, пусть даже с самым героическим прошлым, не смог бы вести прицельный огонь с дырой во лбу. Там наверняка был кто-то еще. Я не знаю, кто это был, что он там делал, и сколько трупов на его совести, один или два. Я лишь уверен, что он там был и что ушел он оттуда почему-то пешком, не воспользовавшись машиной, которая находилась в его распоряжении. Это уже само по себе наводит на размышления, не так ли? Особенно если вспомнить о графиках и учесть то безобразие, которое ты можешь увидеть, выглянув в окно. Налицо стихийное бедствие, и организовал его вовсе не господь бог.

Глеб снова пожал плечами.

– Вероятно, но недоказуемо, – сказал он. – Да полно, Федор Филиппович, к чему вы это ведете? Забудьте вы об этом!

– Не могу, – вздохнул генерал. – Как говорится, и рад бы в рай, да грехи не пускают. Начальство получило копию отчета аналитического отдела и поручило мне расследование.

– Расследование пожаров на торфяниках?

– А также наводнений, сходов лавин, селевых потоков, прорывов дамб... Ну, и так далее. Словом, я уже второй день подряд отвечаю за погоду в стране. На пенсию, что ли, уйти? Вгонят они меня в гроб, умники эти... Понятия не имею, с какого конца за это дело взяться. И, между прочим, мне прозрачно намекнули, что было бы очень кстати обнаружить в этом деле чеченский след. Я вот тут подумал: а может, это и вправду ичкеры? В принципе, организовать сход лавины или внести некоторые изменения в конструкцию дамбы на водохранилище не так уж трудно...

– Я так не думаю, – возразил Слепой. – Чеченцы прячут от нас своих преступников, но об их преступлениях трубят на весь свет, как о великих подвигах во имя Аллаха. А здесь картина совсем другая. Прячут не преступника, а само преступление, придают ему вид стихийного бедствия, над которым люди не властны. А может статься, что никто ничего не прячет, и преступлений никаких нет. Во всяком случае, на вашем месте я бы не стал официально вешать всю эту бодягу на горцев. Смеяться над вами весь мир будет, Федор Филиппович, а начальство, которое само же все это и затеяло, останется недовольно: дескать, Потапчук контору опозорил, да что там контору – всю страну!

Генерал вздохнул.

– Помощи от тебя... Я ведь и сам отлично знаю, чего не следует делать. Не курить, не сорить, не пороть горячку и не давать сделать из себя козла отпущения... Это все не содержит в себе ничего конструктивного.

Глеб взял со стола кружку с остывшим кофе, отхлебнул и поморщился – ну торф и торф!

– Давайте не будем ходить вокруг да около, – предложил он. – Вы хотите, чтобы я взялся за это дело?

Потапчук помедлил с ответом, с озабоченным видом заталкивая в портфель свои графики.

– Нет, – ответил он, защелкнув замок. – Нет, Глеб Петрович. Это дело и впрямь не по твоей специальности. Во всяком случае, пока. И вообще, я очень надеюсь, что никакого дела в действительности не существует. Словом, не обращай внимания на старикинскую воркотню. Генералы – тоже люди. Хочется иногда, понимаешь ли, просто поговорить с приятным человеком, на жизнь пожаловаться: дескать, начальство глупостями донимает, и подчиненные – сплошное дурачье... На самом-то деле все совсем не так, однако...

Он оборвал себя на полуслове, махнул рукой и завозился, убирая в карман сигареты, с намерением встать и уйти.

– Коньяк, – как бы между делом сказал Глеб. – Где-то здесь у меня стояла бутылка хорошего коньяка. Если вы, товарищ генерал, в мое отсутствие не использовали квартиру для оргий с манекенщицами, она должна была меня дожидаться.

– Это меняет дело, – сказал Потапчук, снова опуская на пол свой неразлучный портфель. – Какой же русский откажется выпить?

Глеб встал и, повернувшись к генералу спиной, принялся возиться у бара, доставая коньяк и рюмки. На его губах играла невеселая улыбка. Потапчук мог сколько угодно прикидываться таким простоватым дядечкой, которого вдруг потянуло на откровенность, но Сиверов знал генерала не первый год и отлично видел, что вся эта метеорологическая история была рассказана не просто так, а с неким умыслом. Знать бы еще, с каким...

– Если позволите, – произнес он, выставляя бутылку и рюмки на стол, – я могу высказать кое-какие предварительные соображения по этому делу. Вдруг да пригодятся?

– Ну-ну, – сказал Потапчук с таким видом, будто затеял разговор вовсе не для этого. – Попытайся. Это даже любопытно. Голова у тебя светлая, мышление свободное, без этих шор, которые рано или поздно появляются в мозгах у любого должностного лица... А лимончик-то подсох!

– Подсох, – согласился Глеб, разливая коньяк по рюмкам. – Но другого нет. Так вот, Федор Филиппович, относительно этого вашего дела... Мне кое-что пришло в голову. А что, если расследовать его так, будто уже доказано, что

преступление имело место? Что, если начать действовать по классической схеме – то есть попытаться определить мотив?

– Это банально, – сказал генерал. – Я ждал от тебя большего. И потом, какой мотив может быть у лесного пожара? Или, скажем, у наводнения? Такое мог бы учинить маньяк, но, поскольку речь идет не об одном отдельно взятом случае, а о регулярной деятельности в масштабах всей страны... Словом, одному человеку такое просто не под силу. Организация маньяков? Что-то я о таких не слышал.

– Ну да?! – изумился Глеб. – Да их сколько угодно! Аль-Кайеда, РНЕ или, к примеру, коммунистическая партия... Ба! Да вы же сами в ней состояли! А говорите, не слышали... Но в одном вы правы: бескорыстные маньяки бывают, а вот о бескорыстных организациях и группировках современной науке и впрямь ничего не известно. Поэтому на первое место автоматически выступает традиционный вопрос любого следствия: кому выгодно?

– Банально, – повторил генерал. – Ну и кому, по-твоему, может быть выгодно наводнение? Мародеру, который шарит по брошенным домам в поисках добычи?

– Не только, – уточнил Глеб. – Представьте, что вы идете по улице и у вас оторвалась подошва. Кому это может быть выгодно?

Генерал рассеянно выпил коньяк, сунул в рот мумифицированную дольку лимона и принялся жевать с отсутствующим видом, не отдавая себе отчета в том, что делает. Он жевал лимон вместе с кожурой. Глеб поморщился, услышав хруст перемалываемой генеральскими челюстями лимонной косточки, и поспешно плеснул в рюмку Потапчука еще немного коньяка: у генерала должно было возникнуть острое желание хоть чем-нибудь запить хинную горечь.

– Однако, – сказал, наконец, Федор Филиппович и залпом осушил рюмку. – Мыслишь ты действительно широко. Даже, я бы сказал, слишком широко... Этого же просто не может быть!

Глеб улыбнулся и закурил.

– Естественно, не может, – сказал он. – Хотите послушать музыку?

Глава 3

Дмитрий Алексеевич Вострецов вернулся с работы в десятом часу вечера. Самочувствие у него было так себе: в последние годы Дмитрий Алексеевич начал заметно полнеть и стал плохо переносить жару. А тут еще этот дым...

Дымом провоняло буквально все вокруг, горький запах гари чудился Дмитрию Алексеевичу даже там, где его заведомо не могло быть. Это не был навевающий романтические воспоминания дым костра; Москва насквозь пропиталась тяжелым удушливым смрадом тлеющего торфа, и, сколько бы дорогого французского одеколona ни выливал Дмитрий Алексеевич с утра на свой костюм, к вечеру тот все равно издавал слабый запах пепелища.

Услышав звук открывшейся двери, жена вышла в прихожую, приняла у Дмитрия Алексеевича портфель, чмокнула его в подставленную щеку и сама подставила для поцелуя длинную, белую, слегка тронутую увяданием шею. Вострецов скользнул губами по бархатистой, как кожура персика, коже, которая издавала дразнящий аромат духов, буркнул что-то невразумительное и принялся стаскивать с распаренных ступней жаркие кожаные полуботинки.

Увидев, что супруг и кормилец не в духе, жена аккуратно поставила драгоценный портфель на полку под зеркалом и молча удалилась на кухню разогревать ужин. Она давно не возбуждала у Дмитрия Алексеевича никаких чувств, кроме легкого раздражения – так же, впрочем, как и он у нее. Ее дежурные поцелуи в прихожей – один утром, перед уходом на работу, и еще один вечером, по возвращении с оной – были ему скорее неприятны, но, если бы жена не вышла его проводить или встретить, он бы очень удивился. Дмитрий Алексеевич по натуре своей был большим консерватором, и любые перемены автоматически вызвали в нем определенное внутреннее сопротивление, даже если речь шла о переменах к лучшему.

Намыливая руки над раковиной в ванной и разглядывая свое отражение в большом, идеально чистом зеркале, он вдруг задумался: а бывают ли они вообще, перемены к лучшему? Ведь, если как следует разобраться, каждое улучшение имеет свою обратную сторону, и его негативные последствия порой оказываются так велики, что лучше бы никакого улучшения и вовсе не было. И ведь это повсюду так, что ни возьми: нарушение статус-кво ведет только к

лишним хлопотам и неприятностям. Вот взять, к примеру, семейную жизнь. Встречаются два молодых человека – здоровых, красивых, веселых, жизнерадостных. Гормоны у них в крови бурлят, и чего-то хочется – большого, красивого и светлого. И начинается: цветы, танцульки, первый поцелуй, любовь-морковь... свадьба. Радостное, в общем-то, событие, но вот последствия... Или, скажем, дети. Поначалу от них сплошная радость, если не считать грязных пеленок. А потом сын садится в тюрьму за убийство в пьяной драке, а дочь ворует у тебя деньги на аборт, и ты уже не рад, что в свое время не сообразил записаться в евнухи...

Или деньги. Ведь ясно же, что, чем их больше, тем больше от них хлопот и головной боли. Но люди все равно изо всех сил стараются усложнить свою и без того сложную жизнь: женятся, разводятся, рожают детей, делают карьеры, зарабатывают деньги...

Дмитрий Алексеевич вынужден был признать, что ничто человеческое ему не чуждо. Хорошего в этом было мало, и он скорчил своему отражению в зеркале неприязненную гримасу. Отражение ответило ему тем же. У него, у отражения, было гладкое лицо с глубокими залысинами на лбу, маленьким розовым ртом, напоминавшим куриную гузку, и излишне, не по возрасту, живыми карими глазами, начавшими понемногу тонуть в припухлостях румяных щек. Редкие русые волосы были старательно зачесаны назад в безуспешной попытке придать физиономии хотя бы видимость одухотворенности, на левой щеке темнела родинка – маленькая, аккуратная, по-женски кокетливая и совершенно здесь неуместная.

Ужин уже поджидал его на столе, сервированный так, будто они собрались принимать гостей. Прежде чем сесть к столу, Дмитрий Алексеевич нашел пульт дистанционного управления и включил телевизор: было время вечерних новостей, а новости он не пропускал, хотя в некоторых вопросах внутренней политики был информирован лучше большинства телевизионных обозревателей, не говоря уже о дикторах.

Действуя в строгом соответствии с заведенным порядком, жена открыла холодильник и водрузила на середину стола запотевший хрустальный графинчик. Дмитрий Алексеевич рассеянно кивнул в знак благодарности, вынул притертую пробку и сделал приглашающий жест горлышком графина в сторону жены. В зависимости от настроения, жена могла выпить за компанию с Вострецовым, а могла и отказаться. Сегодня она отказалась, и Дмитрий

Алексеевич осушил свою стопку в гордом одиночестве.

Пока по телевизору показывали новости из-за рубежа, в которых сегодня не было ничего интересного, супруги обменивались стандартными фразами, строго регламентированный набор которых в большинстве случаев заменял им общение. Разговор напоминал ленивое, от нечего делать, перебрасывание через стол наполовину сдувшегося резинового мячика. Это была привычная, вялая и опостылевшая обоим игра, в которой никто не проигрывал и не побеждал. Удовольствия от этой игры ни один из супругов не получал, но приемлемой альтернативы такому общению они не видели. Изображать бурную страсть при полном отсутствии интереса друг к другу было бы неприлично, а ссориться и разводиться – глупо. Развод оправдан, если хотя бы одна из сторон преследует какую-то цель – например, соединиться с любовником или, наоборот, избавиться от ненавистного человека. А в отсутствие каких бы то ни было чувств друг к другу гораздо проще и приличнее сохранять статус-кво. Равнодушие давно стало в семье Вострецовых залогом мира и спокойствия. Дмитрий Алексеевич обеспечивал жене безбедное существование, к которому она привыкла, а она, со своей стороны, поддерживала в доме идеальный порядок и выполняла представительские функции – иными словами, с ней было не стыдно показаться на люди. Дмитрий Алексеевич привык к жене, как к удобному предмету обстановки, и относился к ней со сдержанной теплотой, как относятся к поношенному, но все еще вполне приличному, идеально облегающему фигуру костюму. Жена платила ему тем же.

Косясь одним глазом на экран телевизора, а другим – на выглядывавшее из-под юбки гладкое колено жены, Дмитрий Алексеевич старательно пережевывал пищу и между делом думал о том, что сегодня, пожалуй, было бы неплохо потрянуть стариной и склонить жену к исполнению супружеского долга. Когда, бишь, они в последний раз этим занимались? Ну-ка, ну-ка... Да, так и есть, прошло уже десять дней, сегодня – одиннадцатый. Пора, брат, пора... Жена возражать не станет, поскольку она тоже живой человек и имеет определенные потребности, в том числе и физиологические...

Тут на экране сменилась картинка, и взору Дмитрия Алексеевича представилось до отвращения знакомое зрелище: за спиной у вооруженного микрофоном корреспондента виднелась задымленная улица. Дым на экране напоминал густой туман, он почти полностью скрывал очертания предметов. У Вострецова привычно екнуло сердце: да, дела... Бывало такое и раньше, конечно, бывало, но масштаб... Огромную Москву с ее пятнадцатимиллионным населением затянуло

дымом, как какую-нибудь богом забытую лесную деревушку.

«Да, – подумал Дмитрий Алексеевич, невнимательно слушая корреспондента, который эмоционально и очень неточно пересказывал долгосрочный прогноз синоптиков. – Да-а-а... Вот это и есть грубое нарушение статус-кво. Отсюда, между прочим, следует вполне закономерный вопрос: на фига козе баян? Зачем зайцу холодильник, если он не курит? Связался черт с младенцем... Надо же, во что он меня втравил! И как это ему удалось, ума не приложу...»

Аппетит у него пропал, будто по волшебству, и, чтобы восстановить пошатнувшееся душевное равновесие, Дмитрий Алексеевич плеснул себе еще водочки. Он наколот на вилку кусок ветчины, поднял рюмку и вдруг замер, не донеся ее до рта. Жена проследила за направлением его остановившегося взгляда и увидела на экране телевизора знакомое лицо.

– Ой, – сказала она, – смотри, Максима показывают!

– Вижу, – неотрывно глядя на экран, процедил Дмитрий Алексеевич. – Вижу... Черт бы его побрал!

С этими словами он выплеснул в себя водку и целиком затолкал в рот болтавшийся на вилке изрядный кусок ветчины, забыв даже разрезать его на части. Энергично работая челюстями и продолжая пялиться в телевизор, Вострецов снова наполнил рюмку, на этот раз до краев. Жена хотела напомнить, что при его комплекции, да еще в такую несусветную жару, злоупотреблять спиртным не стоит, но, посмотрев на лицо Дмитрия Алексеевича, решила воздержаться от комментариев.

– Что-нибудь произошло? – осторожно спросила она.

Вострецов не ответил, но выражение его гладкого лица неуловимо переменилось, из чего можно было сделать вывод, что Дмитрий Алексеевич считает вопрос жены глупым и не заслуживающим ответа. Этот знак явного пренебрежения несколько не задел мадам Вострецову.

Между тем на экране телевизора человек, которого жена Дмитрия Алексеевича назвала Максимом, рассказывал зрителям о трудностях борьбы с огнем, ненавязчиво упирая на недостаток финансирования, оборачивающийся

нехваткой жизненно необходимого спасателям оборудования и техники. Лицо у него было решительное и мужественное – не лицо, а эталон, по которому следует равняться каждому, кто выходит на суровую борьбу со стихией. На говорившем был тяжелый огнеупорный комбинезон, жесткие черные волосы на непокрытой голове слиплись от пота, на щеке чернело какое-то пятно – вероятнее всего, то была сажа. Дмитрия Алексеевича это пятно почему-то окончательно вывело из себя: он был уверен, что герой репортажа испачкал лицо нарочно – если не по собственной инициативе, то наверняка по указке умников с телевидения. На заднем плане сквозь вездесущую дымовую завесу можно было разглядеть красно-белый борт пожарной машины и тугие струи воды, которые, плавно изгибаясь, хлестали в черную землю, курящуюся горячим паром.

– Всем нам, – говорил человек на экране, – и в особенности правительству, давно пора понять, что, пока мы решаем какие-то свои вопросы, занимаемся согласованиями на уровне министерств и ведомств, выгадываем и экономим, вокруг нас происходят необратимые вещи. Лес, который вы видите за моей спиной, уже погиб, и восстановить его удастся очень не скоро – дай бог, чтобы наши правнуки до этого дожили. В Московской области только за последний месяц уничтожены сотни гектаров лесных угодий, и конца этому не видно. Пожарные расчеты валяются с ног, техника не выдерживает, а нам говорят: «Плохо работаете, надо бы лучше!» Но надо же понимать, что МЧС не в состоянии обеспечить порядок и благополучие на всей огромной территории Российской Федерации. Мы делаем все, что в наших силах, но силы наши, увы, не безграничны. Это не значит, что мы отказываемся выполнять свои обязанности! Ничего подобного! Мы просим только об одном: не мешайте нам вас спасать! Не ставьте палки в колеса! Люди могут какое-то время работать бесплатно, но технику, увы, разговорами с места не сдвинешь. Технике нужны запчасти, нужен бензин и солярка, а у нас зачастую нет даже этого.

– Весьма эмоциональная речь, – заметил невидимый репортер. – И, увы, не лишенная горькой правды. Но скажите, Максим Юрьевич, неужели все так безнадежно?

– Разумеется, нет! – Человек в пожарном комбинезоне рассмеялся, блеснув белоснежными зубами на закопченном лице. – Оснований для паники нет, к Москве мы огонь не пропустим, да и большинство подмосковных населенных пунктов пока что в безопасности. Я лишь хотел напомнить, что на дворе двадцать первый век. В наше время уже не модно совершать подвиги в духе

двадцати восемью героями-панфиловцами. Пора перестать затыкать бреши в экономике человеческими телами. Тем более что прогресс не стоит на месте. Вот, например, буквально на днях к нам обратился изобретатель, который утверждает, что с помощью построенного им прибора можно, так сказать, приманивать циклоны. Возможно, это звучит как анекдот, но я лично присутствовал на испытаниях и могу засвидетельствовать: через двенадцать часов после включения прибора в сеть над полигоном собрались тучи, и пошел дождь.

– Фантастика! – воскликнул репортер. – Но что же мешает широкому применению этого чудо-прибора?

Пожарник сделал печальное лицо и пожал огнеупорными плечами.

– Боюсь показаться однообразным, – сказал он, – но ответ остается прежним: недостаток финансирования. Ну и еще всевозможные бюрократические препоны. А тем временем некоторым нашим расчетам приходится возить воду за десятки километров. Мы используем авиацию, ежедневно сжигаем сотни тонн горючего, тратим тысячи человеко-часов на то, с чем превосходно справился бы хороший затяжной дождь. То, что льется из наших брандспойтов, только с виду кажется водой. По своей стоимости эта субстанция приближается к высококачественному бензину. Мы попросту бросаем деньги на ветер – вернее, в огонь, – в то время как от нас требуются самые решительные действия.

– Оратор, – проворчал Дмитрий Алексеевич. – Трибун, мать твою... Видала Цицерона? – обратился он к жене.

Та пожала красивым плечом.

– А что? По-моему, он прав. Да ты же сам мне это сто раз говорил, и почти теми же словами. Не понимаю, чем ты недоволен.

– Да как ты не поймешь! – взорвался Дмитрий Алексеевич. – Я говорил это тебе! Тебе, а не в камеру! Это же разные вещи!

Он снова налил себе водки и выпил, как лекарство. Его пухлые щеки покраснели, на лбу выступила нездоровая испарина, шея над воротником рубашки приобрела кирпичный оттенок.

– Популизм, – тоном ниже проворчал он. – Хуже нет, когда официальное лицо, представитель власти начинает принародно заниматься какими-то разоблачениями, выпендривается, выносит сор из избы... Делом надо заниматься, а не языком болтать, тогда и будет порядок.

– Ну, не знаю, – сказала жена. – Не хочу с тобой спорить, но, согласись, тебе не пристало обвинять Максима в бездействии. Ты сидишь у себя в кабинете и перебираешь бумажки, а он тем временем идет в огонь.

– Тьфу, – с горечью промолвил Дмитрий Алексеевич. – В огонь он идет... Морду себе пеплом любой дурак может испачкать. Я же говорю, популизм чистой воды. Вот уж не думал, что даже ты на это клюнешь. Чертов прощелыга, авантюрист! Ты хотя бы понимаешь... – Он оборвал себя на полуслове и безнадежно махнул рукой. – А, что ты можешь в этом понимать!

– Ничего, – невозмутимо ответила жена. Голос у нее был чистый, хорошо поставленный и как нельзя лучше соответствовал ее внешности – яркой, идеально сохранившейся, но какой-то замороженной. – Ни-че-го! – повторила она по слогам. – И понимать не хочу. Твоя работа – не моего ума дело...

– Естественно, – испытывая почти непреодолимое желание затеять ссору и тем самым хоть на ком-нибудь сорвать злость, сварливо перебил ее Вострецов. – А то как же! Зачем это тебе – разбираться в моих проблемах? Ты и без того живешь как в сказке. Вернее, как в анекдоте. «Откуда ты деньги берешь?» – «Из тумбочки». – «А в тумбочку их кто кладет?» – «Я». – «А откуда ты их берешь?» – «Так из тумбочки же!»

Он чувствовал, что напрасно затеял этот разговор. Жена тут была ни при чем, и попрекать ее деньгами, пожалуй, не стоило. Равновесие в их семье было достаточно устойчивым, и все-таки Дмитрий Алексеевич чувствовал, что так некстати пришедший ему на ум старый еврейский анекдот запросто мог это равновесие нарушить. Раньше он никогда не опускался до столь мелочных оскорблений, но сегодня в него будто дьявол вселился. Виновата в этом была жара, да еще вездесущий дым, но Вострецов отлично понимал, что если жена решит отомстить, то отомстит она не жару и не дыму, а ему, Дмитрию Алексеевичу Вострецову. Мстить жена умела просто превосходно, коготки у нее были острые, и при этом ей всегда удавалось каким-то непостижимым образом сохранять хладнокровие и манеры великосветской дамы.

И она отомстила.

Обычно она давала вареву хорошенько отстояться в горшке и наносила ответный удар спустя несколько часов, а то и дней, когда Дмитрий Алексеевич уже забывал о ссоре и не ожидал нападения. Но сегодня акция возмездия последовала незамедлительно – очевидно, жара и дым дурно повлияли не только на Дмитрия Алексеевича.

– Право же, – своим кристально чистым контральто произнесла жена, – ты сегодня превзошел самого себя. Можно подумать, ты ему завидуешь. Но поверь, на его месте и в его наряде ты смотрелся бы просто смешно.

Дмитрий Алексеевич подавил острое желание грохнуть ножом и вилкой об стол и медленно, словно боясь что-то расплескать, откинулся на спинку стула. Немного успокоившись, он взглянул на жену, и в этом взгляде сквозило откровенное любопытство, как будто господин Вострецов только что узнал о своей супруге что-то непристойное. Жена выдержала его взгляд, умудрившись сохранить при этом спокойствие и невозмутимость. Дмитрий Алексеевич беззвучно хмыкнул, налил себе еще водки и переключил внимание на экран.

Предмет их спора уже успел уступить свое место перед камерой какому-то грузному и нескладному субъекту с большой лысиной и длинным унылым носом. Перескакивая с пятого на десятое, субъект излагал общий принцип действия какого-то прибора, который он называл генератором туч. Очевидно, это был тот самый изобретатель, о котором минуту назад упоминал предыдущий герой репортажа. Камера скользнула по небольшому серому жестяному параллелепипеду, утыканному какими-то шкалами и переключателями, – надо полагать, это и был хваленый прибор. Изобретатель косноязычно плел что-то про биополя и электрические импульсы, способные эти биополя изменить, придав им заранее заданные свойства. Дмитрий Алексеевич спокойно пропустил всю эту белиберду мимо ушей: он ждал главного вопроса, ради которого кое-кто, похоже, и затеял данное представление. Вопрос этот касался, естественно, стоимости изобретения; в свой час он был задан, и ответ на него был единственной фразой, которую изобретатель сумел произнести четко. Дмитрий Алексеевич старательно запомнил сумму, удержавшись от искушения записать ее на салфетке, спокойно закончил ужин, вежливо поблагодарил жену и удалился в маленькую спальню, которая служила ему кабинетом. Здесь он включил компьютер и в течение полутора часов производил какие-то сложные

подсчеты.

Закончив работу, он некоторое время задумчиво смотрел на покрытый столбцами цифр экран, потом распечатал результат и тщательно уничтожил файл. Распечатку он бережно сложил вчетверо и засунул во внутренний карман своего рабочего пиджака, стараясь не думать о том, что его действия лишены какого бы то ни было смысла: к какому бы выводу он ни пришел, что бы ни решил в результате своих размышлений, это уже ничего не меняло. Машина была запущена, и остановить ее Дмитрий Алексеевич уже не мог.

* * *

Дмитрию Алексеевичу Вострецову грешно было жаловаться на судьбу: проблему, которая уже давно не давала ему ни сна, ни покоя, он нажил по собственной инициативе, и винить в своих бедах ему было некого, кроме себя самого. Да и бед настоящих у него, по сути дела, не было; имелась одна проблема, и звали эту проблему Максимом Юрьевичем Становым.

Макса Станового Дмитрий Алексеевич знал с детства, лет, наверное, с десяти, если не с восьми, и уже тогда Становой был законченным шkodником – не пакостником, а шkodником – веселым, изобретательным, хотя и не всегда безобидным. Вечно ему не сиделось на месте, вечно он куда-то спешил и что-то затевал; казалось, внутри у него на бешеных оборотах работает какой-то моторчик. Он никогда не бегал, не прыгал и не орал во все горло просто так, от избытка энергии, как это делают другие мальчишки. Его энергия всегда текла по вполне определенному руслу и была направлена на решение конкретных задач. Но что это были за задачи!

В возрасте десяти лет Макс Становой обчистил школьный буфет. Сделано это было вовсе не с голодухи, не ради денег и вообще не из корыстных побуждений. Просто однажды, стоя в очереди за булочками, Макс неожиданно для себя понял, что знает, как обчистить буфет и остаться при этом непойманным. Увы, этот парень не любил откладывать дела в долгий ящик, и в ту же ночь буфет был обчищен в лучшем виде. Приехавшие утром милиционеры разводили руками, качали головами и твердили, что здесь работал профессиональный взломщик высочайшей квалификации. Собака, которую они привезли с собой, не нашла ничего похожего на след, зато, когда все отвернулись, стащила и в мгновение ока умяла лежавший на столе батон вареной колбасы, по какой-то

причине не заинтересовавший ночного воришку. Колбасу втихаря приплюсовали к списку похищенного, и тем бы дело и кончилось, если бы Макс Становой затеял все это по корыстным мотивам. Но мотивы отсутствовали – и корыстные, и какие бы то ни было вообще, – так что, провернув рискованное дельце, удачливый взломщик понятия не имел, что ему делать с добычей. В его распоряжении оказалось три поддона с булочками и калачами, ящик свиного фарша, четыре десятка яиц и сорок два рубля восемьдесят четыре копейки – вся вчерашняя выручка буфета.

Фарш он скормил собакам – всем, которых сумел отыскать, включая свирепого кобеля кавказской овчарки, который жил в соседнем подъезде и которого боялся даже его собственный хозяин. Собаки после этого еще долго молились на Макса, и среди них не нашлось ни одной суки, которая побежала бы в милицию стучать на своего благодетеля.

С булочками оказалось сложнее, не говоря уже о деньгах и яйцах. Поначалу Макс пытался предлагать булочки собакам, которые, помня его доброту, ходили за ним табуном. Но после свиного фарша зажавшиеся барбосы смотрели на булочки косо, и подпольный богачей принялся скармливать свои запасы приятелям, знакомым и вообще всем подряд. Чтобы начавшие черстветь булочки легче пролезали в горло, он покупал лимонад и мороженое. Но люди, в отличие от собак, плохо помнят добро и, что еще хуже, наделены даром речи. Кто-то проболтался родителям, и Макса повязали в тот самый момент, когда он, заняв огневую позицию на крыше дома, готовился начать обстрел прохожих сырыми яйцами.

Отпираться было бессмысленно; ходили упорные разговоры о колонии, специнтернате и прочих неуютных местах, но все обошлось. Родители Макса возместили буфету ущерб, а сам герой этой криминальной истории отделался педсоветом да исключением из славных рядов пионерской организации имени Ленина.

Эта глупая история возымела должный эффект: Макс Становой сделал из нее правильные выводы и больше никогда не опускался до банальной уголовщины. Это вовсе не означало, что он угомонился: подобный подвиг был ему не под силу. Круглые сутки его буквально распирало от самых неожиданных и безумных замыслов; это был один из тех людей, которые, сидя на травке и ковыряя щепочкой в ухе, способны выдумать теорию относительности или изобрести новый вид взрывчатки. Учителя от него буквально плакали, особенно

те, что помоложе, потому что Макс Становой никогда не ограничивался теорией: каждое свое изобретение, каждую свою идею он непременно должен был воплотить в жизнь. При этом злым он не был, и, когда однажды ночью ему во сне привиделась новая конструкция парашюта, он провел испытания не на живом объекте, а на уведенном из кабинета биологии человеческом скелете. Это было незабываемое зрелище, длившееся, увы, совсем недолго: примерно на середине парящего спуска с крыши ближайшего к школе высотного здания в парашюте что-то разладилось, и отважный, хотя и несколько костлявый покоритель воздушного океана с рассыпчатым грохотом рухнул прямо на террасу летнего кафе, где в тот момент было полно народу.

В десятом классе он сорвал экзамен по алгебре. Не пожалев времени и собственных карманных денег, этот юный изувер модернизировал классную доску таким образом, что она реагировала на каждое прикосновение взрывами идиотского хохота, как будто ее одолевала щекотка. На это ушло полтора десятка стандартных «хохотунчиков», купленных на рынке, и четыре часа свободного времени. Доказать виновность Станового, как всегда, не представлялось возможным, хотя все отлично понимали, чьих рук это дело. Впрочем, особо вдаваться в подробности никто не стал: весь педагогический коллектив школы с нетерпением ждал момента, когда можно будет вздохнуть с облегчением, избавившись, наконец, от этого чудовища.

Однако это была только внешняя, наиболее активная и бросающаяся в глаза, но далеко не главная сторона кипучей натуры Максима Станового. В возрасте четырнадцати лет он сделал великое открытие: оказалось, что играть можно не только неживыми предметами, но и людьми. Он обнаружил, что наиболее утонченное и полное, ни с чем не сравнимое удовольствие можно получить только одним способом, а именно путем экспериментов в области прикладной психологии. Это было его любимое занятие, о котором мало кто догадывался: моделировать ситуации, строить отношения между людьми, заставлять их ссориться и мириться, совершать благородные поступки или, наоборот, демонстрировать окружающим собственное свинство – словом, Макс Становой любил подергать за невидимые веревочки, приводящие окружающих в движение. Все остальные его проделки были просто маскировкой, способом завоевать любовь и доверие приятелей – любовь и доверие, которые позволяли легче управляться с веревочками.

Равных ему в искусстве управлять людьми не было, и впервые Макс столкнулся с коллегой уже в армии. Коллегой этим оказался полковой особист. Подполковник

Петров был в этом деле профессионалом и сразу распознал в серой толпе новобранцев талантливую любителя-самоучку. Распознал, приметил и аккуратно взял под крыло – так аккуратно, что привыкший управлять ближними по собственному усмотрению рядовой Становой (еще в карантине получивший прозвище Станок) даже не заметил, что кто-то забрал в собственный кулак все веревочки.

В армии Макс Становому не понравилось, и он принялся исподволь переделывать окружение на собственный лад – то есть, попросту говоря, изменять окружающую среду в соответствии со своими вкусами и потребностями. Это привычное и не такое уж сложное с его точки зрения дело неожиданно пошло туго. Это было какое-то наваждение: все, чего Макс добивался за день, наутро оказывалось перечеркнутым. Его популярность среди сослуживцев выростала ценой невероятных усилий – только для того, чтобы позже каким-то непостижимым образом превратиться во всеобщее презрение, почти ненависть, а дружеские похлопывания по плечу – в унижительные избиения за углом казармы. Мириться с подобным положением вещей Становой не мог, поскольку оно больно ранило его самолюбие. Уходя на службу, он был уверен, что в армии не пропадет, и вот, пожалуйста – пропал ни за грош, как какой-нибудь тупой, трусливый и неумелый стукач. Он удваивал, утраивал, удешевлял свои не всегда безобидные усилия, а служба между тем шла своим чередом, и была она не игрушечной. И в один прекрасный день Макс оказался перед перспективой загреметь на целых три года в дисциплинарный батальон.

Дело было нешуточное: радиотелеграфист Становой ухитрился во время боевого дежурства поставить на уши весь военный округ, объявив боевую тревогу. Такая шутка была под силу не каждому офицеру – уж очень серьезная требовалась подготовка, чтобы обойти, обмануть, запутать многочисленные страховочные цепи и системы тройной проверки. Доведенный до полного отчаяния сплошными неудачами Максим Становой стремился пошутить так, чтобы его неординарность была, наконец, замечена, и это ему удалось – он дошутился. Отдыхая на гауптвахте, он впервые за восемь месяцев службы получил возможность спокойно, без спешки, подумать. Поразмыслив, Макс очень удивился. Как это он ухитрился загнать себя в такой крысиный угол?

Здесь, на гауптвахте, он впервые встретился с глазу на глаз с подполковником Петровым. Профессиональный кукловод не спешил раскрывать карты. Он понимал, что парень – настоящий самородок, и не торопился, боясь спугнуть удачу неосторожным словом. Для начала он напустил на себя грозный,

совершенно идиотский вид и деревянным голосом растолковал растерянному, совершенно сбитому с толку сопляку, что тот сотворил, к чему могла привести его, с позволения сказать, шутка и каковы будут последствия этой шутки для него, младшего радиотелеграфиста Станового, лично. Шалость зарвавшегося Макса была им квалифицирована как попытка диверсии, которая почти удалась. Все тем же дубовым слогом подполковник из особого отдела выразил сомнение в том, что недавний выпускник учебного центра мог самостоятельно измыслить и подготовить столь сложную многоходовую комбинацию, которая лишь по счастливой случайности (так он сказал) не привела к боевому запуску ракет, нацеленных на Западную Европу. Он предположил, что радиотелеграфист Становой был марионеткой в руках опытного вражеского шпиона. (В этом предположении была изрядная доля правды: Макс действительно впервые в жизни оказался в роли марионетки, только никакими шпионами тут даже не пахло, и особист об этом прекрасно знал.) Будучи по сути своей просто выряженным в солдатскую форму мальчишкой, он, как и все его сверстники, полагал себя человеком взрослым, военным, более того, строго засекреченным – то есть представляющим несомненный интерес для всех западных разведок. Его спросили, знает ли он, как называется его поступок; Макс знал, что имеет в виду особист, но произнести эти слова вслух было выше его сил. Тогда подполковник Петров произнес их сам. «Государственная измена», – замогильным голосом провозгласил он и тут же, без перехода, заорал, сильно подавшись вперед и дико тараща глаза: «Сколько тебе заплатили?! Кто?! Говори, щенок!»

Это была проверка. Подполковник уже убедился в том, что его протеже умен, изобретателен, инициативен, прекрасно умеет ладить с людьми и не пасует перед трудностями, которые давно заставили бы другого искать спасения в петле или в дезертирстве. Оставалось лишь узнать, достаточно ли крепкие у него нервы. Нервы у Максима Станового оказались в порядке. Он, конечно, не мог и предположить, что подполковник попросту валяет дурака, проверяя его на вшивость, но поведение особиста все равно показалось ему довольно странным. По его понятиям подполковник КГБ просто не мог быть такой дубиной, какой он казался в данный момент, а когда тот принялся жутко орать, брызгая слюной и стуча по столу пудовым кулаком, Макс окончательно убедился, что дело нечисто. По наивности своей он решил, что на него хотят повесить всех собак. Такая перспектива ему не улыбалась, и он, собрав в кулак все свое мужество, перешел в контратаку, ровным голосом заявив, что получил сто тысяч долларов мелкими купюрами от начальника политотдела дивизии полковника Штанько, который на самом деле является резидентом ЦРУ, заброшенным к нам на парашюте в возрасте трех месяцев и осуществляющим подрывную деятельность под воздействием сделанного ему еще в материнской утробе

постгипнотического внушения. «Вы знаете, – спросил он у особиста, – что в нашей казарме все время засоряется угловое очко туалета? А знаете, почему? Я спрятал там доллары и взрывчатку», – признался он покаянным тоном.

Подполковник шутки не принял, но орать перестал и предложил уже распрощавшемуся со свободой Становому альтернативу. Макс задумчиво полез пятерней в затылок, хотя думать тут было особенно не о чем. Вряд ли кто-то на его месте, выбирая между дисциплинарным батальоном и школой КГБ, выбрал бы первое. Но все-таки он колебался, поскольку уже в ту пору его отношение к конторе было, мягко говоря, неоднозначным. Видя эти колебания и отлично понимая их природу, подполковник взял себе за труд кое-что разъяснить перспективному абитуриенту. Просто и доходчиво, на доступных примерах он показал Максиму разницу между крепким профессионалом и талантливым самоучкой, то есть между собой и Максом.

«Если ты создан, чтобы из-за кулис управлять людьми, – сказал он, – какого черта нужно зарывать талант в землю? Даже если мы сейчас замнем эту историю, – добавил он, – рано или поздно ты все равно влипнешь в другую, еще хлеще нынешней, потому что у тебя шило в заднем проходе, и сидеть тихо ты не сможешь – ни за что не сможешь, как бы ни старался. Шила в мешке не утаишь, гены пальцем не раздавишь. Грешно упускать такую возможность применить свой талант на пользу обществу, да и себе тоже».

И Максим понял, что подполковник прав. Понял он и еще кое-что: устроенный им переполох действительно МОГ привести к боевому запуску. Точнее, мог бы, если бы Макс Становой располагал кое-какой необходимой информацией, получше подготовился и, главное, на самом деле хотел шваркнуть ракетой, скажем, по Брюсселю. Власть! Вот что предлагал ему подполковник, вот на что он намекал. Прямо он этого, конечно, не говорил, но нужно было быть полным идиотом, чтобы не догадаться, о чем идет речь.

Так Максим Становой стал чекистом.

...И, конечно же, на деле все оказалось совсем не так радужно, как расписывал речистый подполковник в тесной камере гарнизонной гауптвахты. Да, контора была властью – мощной, закулисной, в конечном итоге, решающей все. Он оказался в самом низу пирамиды, и при взгляде отсюда контора представлялась гигантской, собранной с тысячекратным запасом прочности и оттого неуклюжей, тупой и бездушной машиной. Коэффициент полезного действия этого

варварского механизма казался Становому несоразмерно низким, как у какой-нибудь древней паровой машины. Пружинки сжимались и разжимались, клапана закрывались и открывались, кто-то кого-то выслеживал, подсиживал и сдавал; это была постылая механическая рутина – тем более постылая, что в этом сложном коловращении лейтенант Становой играл роль мелкого винтика, от которого ничто не зависело и на котором, увы, ничего не держалось.

Возможно, это тоже было испытанием. Во всяком случае, Становой, хорошенько все обдумав, решил до поры до времени считать это испытанием, которое рано или поздно закончится. Говорят, человек – хозяин собственной судьбы. В случае Максима Станового это утверждение оказалось верным. Не признаваясь даже самому себе, что, похоже, занимается чем-то не тем, лейтенант Становой намертво стиснул зубы и стал служить – служить так, как он это умел, когда хотел.

И он выдержал испытание, не поддался на искус, не опустил руки. Инициативного молодого лейтенанта быстро заметили и начали продвигать. Через год он стал старшим лейтенантом, еще через два – капитаном, к двадцати семи годам надел майорские погоны и готовился стать подполковником. Дурацкую историю с ГКЧП он пережил легко и без потерь, потому что был умен, чуял, откуда дует ветер, умел делать правильные выводы даже из самых незначительных намеков и заранее позаботился о том, чтобы во время путча оказаться где-нибудь подальше от центра событий. В Москву он вернулся уже не майором КГБ, а подполковником ФСБ – одним из самых молодых и перспективных подполковников во всей Федеральной Службе.

Все это не означало, что ему удалось изменить свой беспокойный нрав. Энергия по-прежнему была из него ключом, он был, как и в юности, полон идей и проектов, порой настолько смелых, что руководство только руками разводило: надо же, молодой да ранний! Подчиненных себе он выбирал сам – была ему дарована такая привилегия; и вообще, начальство к нему благоволило, хотя позволял он себе порой чересчур много.

И он слегка расслабился, почувствовав себя важной, неотъемлемой деталью сложного механизма, а может быть, даже и не деталью, а одним из тех, кто этим механизмом управляет и поддерживает его в рабочем состоянии. Он решил, что получил долгожданную свободу мыслей и поступков, и развернулся в полную силу. Во время первой чеченской кампании он спланировал операцию, которая в случае успеха могла оказать существенное влияние на исход войны. Начальство

план не одобрило, но Становому в начальственном отказе почудилась некая недосказанность, он решил рискнуть и проиграл.

Операция была спланирована и выполнена идеально: подполковник Становой умел видеть последствия и просчитывать все на десять ходов вперед. В результате этой операции был уничтожен один из многочисленных каналов, по которым оружие широким потоком текло с тульских заводов прямиком в руки боевиков. Апофеозом операции стал захват эшелона со стрелковым оружием, минометами и боеприпасами. Становой лично возглавлял отряд спецназа, пустивший по ветру упомянутый эшелон, потому что любил действовать наверняка.

Он вернулся в Москву, уверенный, что победителей не судят, и только здесь понял, что это не так: перекрывая канал, он, увы, не знал, КОМУ этот канал принадлежит. Он пытался узнать это, когда планировал операцию, но след никуда не привел, и Становой тогда решил, что это не суть важно: главное, чтобы тульские автоматы не стреляли по своим. Вот в этом-то и заключалась его ошибка – единственная, но губительная. Теперь ему стал понятен смысл уклончивости начальства во время обсуждения плана злополучной операции – увы, с большим опозданием.

Короче, о нем говорили где-то там, наверху, и по его вопросу было «вынесено постановление». Позже он часто думал, почему его просто не прикончили, ограничившись вместо этого арестом, и пришел к единственному возможному выводу: не рискнули. Операция была проведена не только профессионально и четко, но и с блеском, присущим всему, что делал Становой. О ней ходили легенды, и просто взять и на глазах у всех пристрелить героя столь блестящей виктории, сочли нецелесообразным. Или, может быть, непедagogичным. Гораздо полезнее с точки зрения морали и нравственности было уличить вчерашнего героя в незаконном хранении наркотиков, нарушении служебного долга, граничащем с предательством, и прочих мерзопакостях, несовместимых с высоким званием офицера российских спецслужб.

Долгих четыре месяца его мурыжили в следственном изоляторе. Под конец следователь почти прямо заявил, что чистосердечное признание спасет Становому жизнь. Становой уперся намертво. Он ни в чем не был виноват и не желал облегчать следователю задачу. Каждый вечер, засыпая на нарах, он был уверен, что больше не проснется, и каждое утро, проснувшись, досадливо морщился: ну какого хрена тянете?

А потом его вдруг отпустили. Просто отпустили, ничего не объясняя и, уж конечно, не извиняясь. Это было загадкой, но Становой больше не хотел ломать голову. Возможно, там, наверху, что-то переменялось; возможно, он больше не представлял угрозы чьему-то благополучию; возможно, кто-то хорошо к нему относился и решил, что с него уже хватит. Все, на что он раньше старательно закрывал глаза, увлеченный разработкой и осуществлением своих дерзких планов, теперь встало перед ним в полный рост: государство не нуждалось в его способностях, ему были нужны послушные исполнители. Да и что такое государство, родина? Просто абстрактные понятия, за которыми, как за ширмой, прячутся ловкие пройдохи, озабоченные только собственным благополучием. Ум? То-то и оно, что главным признаком ума служит умение притворяться идиотом... Раньше Становой игнорировал это обстоятельство, за что и поплатился.

В те дни он много думал, пытаясь понять, почему его судьба сложилась так, а не иначе. Казалось бы, он имел все, что нужно для процветания и успеха, но чего-то все же не хватало – какой-то мелочи, которую он упустил в самом начале, не придав ей значения. Неприятности по сути дела были не стоящей упоминания ерундой: их не было бы, если бы Становой сидел спокойно и ни во что не совался. Но подполковник Петров, ныне уже почти забытый, был прав: сидеть спокойно Становой не умел, так что неприятности были неизбежны. Но почему, черт возьми, все так однобоко? А где же другая сторона медали, где почет, слава, успех – где деньги, наконец?

И он докопался-таки до первопричины, отыскал пустячок, испортивший ему жизнь. Он умел управлять людьми, заставлять их делать то, чего ему хотелось, но для него этот процесс всегда был просто игрой. Становой пришел к выводу, что с детством пора расставаться. Он и так потерял вагон времени, забавляясь игрушками, делая никому не нужную карьеру и вкалывая на государство, которое в знак благодарности вытерло об него ноги и вышвырнуло за порог, как ненужную тряпку. Что ж, у него еще был шанс все поправить. Становой был сравнительно молод, здоров и точно знал, чего хочет. Оставалось лишь сообразить, с какой стороны взяться за решение проблемы, и выбрать подходящую точку приложения силы.

И такая точка незамедлительно нашлась, как будто некая высшая сила, сочувствуя Становому, организовала встречу со старым школьным приятелем. Это действительно напоминало чудо: они не виделись полжизни и совершенно случайно встретились в центре многомиллионного города именно в тот момент,

когда в этой встрече возникла нужда. Выслушав историю Станового, Дмитрий Алексеевич Вострецов слегка расчувствовался – ровно настолько, чтобы составить однокашнику протекцию для поступления на работу. Дмитрий Алексеевич тогда уже возглавлял отдел в финансовом управлении МЧС, так что со знакомствами у него был полный порядок, и процесс трудоустройства бывшего чекиста прошел как по маслу.

Ну что тут скажешь? Бес попутал, и больше ничего...

Глава 4

Секретарша принесла кофе, опустила поднос на специально предназначенный для этого столик в углу и, повинувшись нетерпеливому кивку хозяина кабинета, вернулась в приемную. Дмитрий Алексеевич выбрался из-за своего рабочего стола, пересек кабинет, бесшумно ступая по ворсистому ковру, и опустился в удобное кресло возле кофейного столика.

Два других кресла были уже заняты посетителями. Выполняя обязанности радушного хозяина, Дмитрий Алексеевич наполнил чашки. При этом он старался не слишком заметно хмуриться. Честно говоря, он предпочел бы короткий и сухой деловой разговор в чисто официальном формате. Для этого было бы достаточно просто оставаться на своем рабочем месте. Как и для всякого бюрократа, письменный стол был для Дмитрия Алексеевича своего рода укреплением – окопом, траншеей, несокрушимым бастионом, за стенами которого он чувствовал себя неуязвимым. Это был символ благополучия и власти, и теперь, почти насильно извлеченный из своего укрытия, Дмитрий Алексеевич чувствовал себя улиткой, которую бесцеремонно выковыряли из раковины. Низкий кофейный столик, вокруг которого они теперь сидели, предполагал дружескую беседу на равных и был предназначен как раз для того, чтобы продемонстрировать демократичность хозяина кабинета. В данный момент Дмитрий Алексеевич не испытывал ни малейшей потребности в такого рода демонстрациях, но в последнее время его мнение учитывалось все реже.

Становой уселся напротив, свободно раскинувшись в кресле и наблюдая за Дмитрием Алексеевичем с едва заметной усмешкой. Несомненно, он видел Вострецова насквозь, и то, что он видел, казалось ему чертовски забавным. Он

снова развлекался, умело совмещая приятное с полезным. В этом деле ему не было равных: он, как никто, умел превращать людей в лабораторных крыс. Даже поза Станового вызывала у Дмитрия Алексеевича бешеное раздражение: предельно свободная и непринужденная, она в то же время не была развязной. Такая поза хороша на дружеской вечеринке, в гостях, дома и даже в кабинете, но в своем собственном, а никак не в чужом, да еще при посторонних. Дмитрий Алексеевич чувствовал себя оскорбленным, причем оскорбленным намеренно, с умыслом.

Протеже Станового сел рядом, заполняя все кресло своей оплывшей тушей. Он не был очень толст – скорее уж, полноват и несуразен. Его крупное тело имело грушевидную форму, заметно расширяясь книзу и переходя в непропорционально огромные, косолапые ножщи со ступнями сорок седьмого размера. Плечи у него были узкие, покатые, и к этим почти женским плечам мать-природа шутки ради присобачила мосластые лапищи, которые были под стать ногам. Голова посетителя повторяла форму тела, и в целом он здорово смахивал на человечка, кое-как слепленного из двух груш – большой и маленькой – и нескольких воткнутых в более крупную грушу веточек. Мутноватые пороссячи гляделки, расположенные по бокам длинного унылого носа, испуганно моргали на Дмитрия Алексеевича, светлая рубашка с коротким рукавом под мышками потемнела от пота, и на лысине, слегка прикрытой жидкой прядью волос, тоже поблескивали крупные капли. Словом, это был тот самый изобретатель, которого Дмитрий Алексеевич видел накануне по телевизору. Да, Становой привык действовать быстро, по-суворовски: с момента выхода передачи в эфир минуло не больше полусуток, а это нелепое, обильно потеющее создание уже сидело в кабинете Вострецова и хлебало его кофе, свободной рукой прижимая к животу потрепанный матерчатый портфель – судя по виду, пустой. «Для денег он его, что ли, приготовил? – подумал Вострецов, косясь на портфель. – Ну так это он зря».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voronin_andrey/slepoy-povelitel-bur

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)